

Артур Арапов

16+

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Артур Арапов

Приключения изобретателя

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арапов А.

Приключения изобретателя / А. Арапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-532-97209-4

Фантастическая книга, в которой уместились два романа "Изобретатель" и "Изобретатель. Продолжение". Здесь рассказывается о приключениях и путешествиях изобретателя и его друзей. Действия разворачиваются на земле, на воде и в воздухе, как на нашей планете, так и в космосе. Пёстрые краски, живые диалоги и острота сюжетов интересно переплетаются с забавными, порой философскими, умозаключениями автора. Среди героев книги вы найдёте простых людей, учёных, преступников, инопланетян, роботов, птиц и животных. Здесь есть место и фантасмагории, и шпионскому детективу, и искромётному юмору.

ISBN 978-5-532-97209-4

© Арапов А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Изобретатель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Артур Арапов

Приключения изобретателя

Изобретатель

фантастически-юмористический роман

Действия имеют место быть в самом конце прошлого (20-ого) столетия.

1

Первое изобретение Прохора Ключева было обречено на провал. Увы, никому не был нужен так называемый «приёмник правды»! Сначала, конечно, все обрадовались. Какой-то журналист даже написал громкую статью в местную газетёнку: «Этот аппарат улавливает все правдивые людские мысли и передаёт их в прямой эфир! Это – открытие века!» Не тут-то было. Уже после нескольких вещаний, мирные граждане поглядывали друг на друга косо – кто с сомнением, кто с презрением, а кто и с видом откровенно угрожающим. Истина, льющаяся бурным потоком из динамика честного приёмника, не влекла за собой ничего, кроме междоусобицы. Люди стали озлоблены, старались не выходить из своих домов. В конце концов, из приёмника стало вырываться только одно сообщение: «Поймать и накостылять этому несчастному изобретателю! Так, чтобы навсегда запомнил!..» (и далее вперемежку с далеко не литературной речью).

Второе творение незадачливого изобретателя оказалось не более удачным, чем первое. И, конечно, не найдись он в отдалённых, но всё-таки родственных связях с известными лицами, никто не профинансировал бы его сомнительную затею. Дело касалось благоустройства центральной улицы города – возведению над ней прозрачного навеса из особо прочного трубчатого материала, не боящегося ни ветра, ни града, ни огня, ни каких-либо иных форс-мажорных обстоятельств. Это же так чудесно и так выгодно, когда осадки не проникают во внутреннее пространство улицы! Экономия налицо: асфальт, тротуарная плитка, фасады зданий практически перестанут страдать от воздействия явлений извне; дворники будут фактически не нужны, поэтому перекавалифицируются в более престижных специалистов и принесут государству ещё больше пользы; работники по благоустройству улиц сократятся до минимума, а значит и управляющие ими организации тоже; в итоге, разумеется, казне – выгода. Да и Ключеву нужно было вернуть расположение города к своей персоне.

Около полугода трудилась над этой «реконструкцией» одна из ведущих в городе строительных компаний. Денег в проект и в строительство было вложено столько, что хватило бы на то, чтобы выстроить, как минимум, ещё одну такую же улицу. Но, опять же, не учли самый основной из всех факторов – человеческий. В результате в первую же ночь после сдачи объекта, как по заказу, воспользовавшись таким удобным чудо-навесом, какие-то злодеи ограбили несколько квартир на самых верхних этажах! Богатые хозяева этих квартир, в это время спокойно отдыхали на далёких островах близ экватора.

Некоторое время, находясь под следствием, Прохор Петрович, заподозренный бдительными сотрудниками милиции в причастности к данному преступлению, был отстранён от своей изобретательской деятельности. Но, к счастью для него (чего нельзя сказать об окружающих),

уже скоро смог вернуться к прерванным увлечениям, будучи отпущенным из-под следствия за неимением улик (и за имением родственных связей с вышестоящими структурами).

– Тебе нельзя больше оставаться в нашем городе, – сказал Прохору его троюродный дядя – Глава Горисполкома. – Никакие правоохранители не смогут защитить тебя от твоих же изобретений, а значит, тебя, в конце концов, поколотят так, что ты отвыкнешь не только изобретать, но и разговаривать, а может даже хуже. Мне самому здорово досталось от правительства за этот твой чудо-навес! И уважаемые люди, ограбленные на круглые суммы, тоже не скоро успокоятся.

– Но, Иван Захарыч, у меня в мастерской...

– Никакой мастерской! Всё! Забирай свои чертежи, инвентарь, и дуй! Подальше – за город! Вот тебе деньги. Бери-бери, пока дают. И не спорь. Поговорку знаешь, наверное? Кто спорит, тот... Ну, ты понял!

Итак...

В 12.30 по Московскому времени, Прохор Петрович Ключев – изобретатель-неудачник, был вынужден сесть в поезд и отправиться в незапланированное путешествие, подальше от своего родного города.

2

Россия страна большая. В былые времена юному Ломоносову приходилось по несколько дней топать по ней пешком, чтобы перебраться из одного города в другой. Ныне, что не секрет, современные средства передвижения – в частности электропоезда – способны перебросить человека в любую точку великого государства за считанные часы.

Шла ночь. Не успел Прохор Ключев как следует уснуть, как проводница, тихонечко, чтобы не потревожить спящих пассажиров, произнесла:

– Просыпайтесь! Ваша станция через тридцать минут.

Выйдя на прохладный перрон, и громко зевнув, изобретатель посмотрел направо, потом – налево, и, убедившись, что в этот час разглядеть красоты неизвестной местности невозможно, направился в сторону видневшихся невдалеке огоньков какого-то строения.

Унюхав и услышав приближающегося непрошеного гостя, собака, прицепленная перед домом в котором горел свет, звонко затыкала, прекрасно справившись со своей ролью звонка. Дверь открылась.

– Бим! А ну, тихо! – прикрикнул на собачонку вышедший из дома хозяин. – Тихо, говорю!

– Здравствуйте! – сказал Ключев. – Извините за поздний визит. Можно у вас где-нибудь переночевать? Я имею в виду – в вашей местности?

– А вы кто? – спросил хозяин.

– Я – студент Этнографического института имени Миклухо-Маклая, – сказал Ключев первое, что пришло на ум. – Сейчас на практике, приехал изучать местные достопримечательности. Только с поезда. Хотел сразу же снять жильё, но... ночью негде, и вдобавок ничего не видно.

Лопухий Бим, видимо собачьим чутьём удостоверившись в безобидности запоздалого посетителя, наконец-то угомонился и позволил хозяину выпустить гостя.

– Входите! – произнёс человек среднего роста в серой майке и трико, отворив невысокую калитку.

Изобретатель проследовал за шаркающими тапками хозяина в деревянную избу. Бим завил хвостом и подпрыгнул, как бы извиняясь за свою недавнюю негостеприимность.

– Я, после развода с женой, живу один. Дом большой: две комнаты, кухня, чулан и пристрой. Летом, когда очень жарко, я вообще на веранде люблю спать. Комары ко мне привыкли – почти не кусают.

Хозяин открыл дверь, и они прошли сквозь пристрой и веранду в просторную комнату, выполняющую функцию кухни. В свете яркой, стопятидесятиваттовой лампы освещения, Клюев к своему удивлению увидел, что хозяин дома совсем не пожилой, как показалось ему в темноте, а достаточно молодой человек, примерно одного с ним возраста.

– Как видите, тут у меня не барские хоромы – холостяцкое жилище... А Вы, случайно, не женаты?

– Пока нет.

– И правильно! Не женитесь никогда – вот Вам мой совет! От этих женщин одни несчастья.

Клюев рассудил, что по наболевшему для хозяина делу лучше не задавать лишних вопросов, а молча делать вид, что слушаешь, тогда, возможно, разговор не затянется надолго, и можно будет ещё немного подремать до наступления утра.

На кухонном столе тем временем остывал кипяток в заварном чайнике, и гостеприимный полуночник-хозяин предложил выпить по чашке чая.

– А может, хотите, чего покрепче? У меня немного осталось в запасах.

– Нет-нет, спасибо, совсем не хочу! – испугался Клюев. – А вот чай, с удовольствием!

Через несколько минут, представившись друг другу, изобретатель Прохор Петрович Клюев и хозяин холостяцкого жилища Михаил Иванович Ромашкин, перешли на «ты» и выпили за знакомство по глотку крепкого цейлонского чая.

– Знаешь, Прохор, – сказал Миша. – Аними-ка жильё у меня! Сам понимаешь, как сейчас с зарплатой в деревне – лишняя копейка не помешает! К тому же, мне кажется, лучшего местечка и лучшей компании, чем в моём доме, тебе не найти. Комната у меня отдельная, а не смежная, как у большинства, с видом на сад и речку. Вода в колодце в десяти метрах. Уборная за домом. Душ. Из скотины – только собака. Живи и радуйся!

Клюев пожал плечами.

– А почему бы и нет? Я согласен.

В семиметровой комнате, прямо напротив окошка, стоял старенький диванчик. На нём то и разместился внезапный постоялец простого деревенского парня Михаила Ромашкина, ещё совсем не догадывающегося, в какие приключения вовлечёт его знакомство с неудачником-изобретателем.

3

Ночь кончилась так быстро, как и должна была кончиться подобная, разорванная на несколько неравных частей ночь. Михаил, привыкший вставать довольно рано, по привычке отправился на работу, за которую, разумеется, тоже по привычке, но уже несколько другого характера, платить «по человечески» никто не собирался.

Работал Михаил главным помощником младшего механизатора, при колхозном ЖЕКе. То есть, в основном, занимался только тем, что слонялся из угла в угол по давно разорённому, но всё ещё не окончательно сломленному, ремонтно-строительному цеху и вёл отвлечённые беседы на разнообразные темы, с такими же, как он сам, неприкаянными работягами.

Изобретатель для того и рождается на свет, чтобы постоянно что-то изобретать. Всё утро, вплоть до полудня, Прохор Клюев кумекал над какими-то чертежами, бегал вокруг дома, устанавливал какие-то приспособления. К приходу Ромашкина, весь взмокший от пота и взъерошенный, но с победной улыбкой на лице, изобретатель сообщил:

– Вот, Миша, теперь всё в твоей жизни изменится! А может, и меня, наконец, зауважают. Держи этот пульт. Не правда ли, похож на обычный, от телевизора? Присядь на табуретку, так будет удобней. Ну, жми!

– На люблю? – спросил в недоумении Миша.

– Нет, на эту – жёлтенькую.

Михаил осторожно нажал.

В настороженной тишине прошла минута, другая.

– Ну, и что? – прервал тишину Ромашкин. – По-моему, ничего не произошло.

Тут Клюев не выдержал и расхохотался.

– Посмотри в окно! – вставил он сквозь смех.

Михаил посмотрел.

– О-о-о! что это... что такое? Мы что... летим?!

Не переставая радоваться успеху своего нового изобретения, смеясь задорным ребячьим смехом, Клюев пытался объяснить:

– Разумеется, летим! Ха-ха-ха-ха... Правда, скорость пока никакая, но – факт, чёрт побери! – я поднял этот дом в небо! Ха-ха... Глупо было бы объяснять, мне и самому пока не всё под силу осмыслить. Гравитация – наука тонкая. Биополе Земли ещё изучать и изучать. Меня ещё ночью, как осенило: а что если, думаю, взять, и испытать мои последние разработки на практике, прямо здесь! Ты уж извини, но, сам понимаешь, это – открытие!

Михаил, прилепленный взглядом к заоконному пейзажу, сидел с раскрытым настезь ртом, но сказать ничего не мог. Язык у него во рту, где-то застряв, не шевелился и, как ему казалось, никогда уже не зашевелится.

– Ну, ты даёшь! – наконец, выдавил из себя ошаренный хозяин летающего дома.

Бедный Бим, с ужасом наблюдающий необъяснимое явление этого полёта, вёл себя, как и подобает до смерти напуганной собаке. Поначалу встревожено заметался, путаясь в собственной цепи, а потом забился в самый дальний и тёмный угол своей будки. Высунув наружу краешек сразу высохшего от страха носа, с тоской глядел он на медленно уплывающий от него и от земли старый срубный домик. «Боже мой, – наверняка думал Бим (если, конечно, собаки могут так думать). – Куда же улетает мой добрый хозяин, вместе с моим завтраком, обедом и ужином, в обществе этого неизвестного странного человека с взлохмаченной, как у соседского Бобика шевелюрой?»

Не менее напуганные глаза его хозяина глядели сквозь кухонное окно на удаляющуюся родную деревню.

– Куда же мы полетим? – обратился Михаил к Прохору. – На выставку народных достижений?

– Ни в коем случае! Если люди (что профессора, что простой люд) и узнают обо всём – смысла никакого не будет, это гарантированно на все времена! Есть только один верный вариант: продать это изобретение подороже, какому-нибудь богатому любителю подобной «экзотики» – коллекционеру научных достижений.

А на вырученные деньги – построить путёвую мастерскую-лабораторию для новой, настоящей работы и хорошенько повеселиться!

– Холодно становится, – заметил Ромашкин. – Высоко мы уже... Может, печку растопить?

– А почему бы и нет?!

Вдохновение Клюева росло. Он мечтал вслух, о новом оборудовании для новой мастерской; о каких-то, известных только ему, материалах и жидкостях с непонятными названиями; о признании его заслуг перед человечеством (этим же самым человечеством, в лице отдельных лиц научного содружества).

Брёвна в печке трещали, и скоро в «летающем доме» стало совсем тепло, от чего ощущения от фантастического полёта сделались ещё ярче и ощутимо приятнее.

– Пора бы и перекусить, – вспомнил Михаил.

– Обед, я думаю, ещё не совсем остудился. На плите – суп, приготовленный мною с помощью моих новейших, ещё не испробованных, рецептов. Прошу, как говорится, к столу, отведать сей эксперимент!

Клюев разлил по тарелкам, неопишемую ни какими красками густую жидкость.

– Угощайтесь! Блюдо называется: «Космическое наслаждение».

– Хм-м, выглядит не очень аппетитно, но на вкус – готов поклясться! – ничего вкуснее я в своей жизни ещё не пробовал! – провозгласил, облизывая ложку, Михаил. – Что это за блюдо?

– В состав этого супа входит, по меньшей мере, три сотни ингредиентов. Химические элементы которых подобраны так, чтобы, насыщая организм нужным количеством калорий, усиливать умственную деятельность и даже, возможно, вызывать в человеке телепатические способности.

– Даже телепатию?

– Вот именно! Ещё добавки?

– С удовольствием!

Михаил подставил свою тарелку под половник новоиспечённого повара, но тут довольная гримаса его лица потемнела и он, вздохнув, добавил:

– Эх, жаль Бима с собой не взяли. Он там голодный сидит...

– Бим! Да как же я мог про него вдруг забыть?! – схватился за голову Клюев. – Прости меня, дружище, я немного запарился... Нажимай скорее на вторую кнопку пульта!

– И мы полетим вниз? – спросил Миша с опаской.

– Нет, что ты! Механизма для нашего приземления, я ещё не изобрёл...

– Как так?!

– Нажимай, нажимай!

– На синюю?

– На синюю.

Ромашкин ткнул пальцем в пульт и зажмурился. Через пару минут из-за входной двери послышался хорошо знакомый визг и лай. Прохор открыл дверь. Бим, полный собачьей радости смешанной с диким испугом, ворвался вместе с цепью и будкой в комнату, и бросился с ласками к своему хозяину.

– Ну, ладно... ладно... – пытался Михаил унять собачонку, похлопывая по лохматой шерсти. – Напугался, бедолага? На-ка, покушай.

Казалось, «космическое наслаждение» действительно действовало! И хозяин с собакой быстро находили общий, телепатический язык.

4

Да будет всем известно, Земля имеет шарообразную форму теперь – то мы имеем право утверждать это вслух, не боясь поплатиться жизнью за свои убеждения, как когда-то Джордано Бруно! – она вращается вокруг своей оси достаточно быстро, соответственно, солнечное присутствие не может быть постоянным над какой-либо одной, определённой точкой её поверхности. Короче – дело близилось к закату. Шурик Ложкин, как обзывали Сашу Ложкарёва почти все жители посёлка, забыв про свою возлюбленную, местную продавщицу Ленку, к которой «записался» на очередное свиданье, широко раскрыв свои карие глаза (ротозейную часть, разумеется, тоже), смотрел неотрывно в небесную синь. Примерно полчаса прошло с той поры, как нависло над его головой недвижимое (или уже движимое?) имущество Михаила Ромашкина, вместе со своим хозяином, его лопухой собачонкой и их сумасшедшим гостем.

– Прохор! – умолял Ромашкин. – Ну, придумай же, скорее, как нам опустится обратно на землю! Желательно, на мой же собственный участок: улица Лесная, дом 34. Сейчас ветра нет, мы уже не летим; висим над соседской деревней. Вон, люди глазеют! Любуйтесь-любуйтесь, олухи! Вам такое и не снилось! Если поднимется ветер, нас может унести неизвестно куда... а у нас даже компаса нет.

Ещё пару часов назад он и не представлял, что самочувствие его так сильно переменится в нехорошую сторону. Но, вот, осмыслив ситуацию, и поняв, что путей к отступлению в проекте, увы, не предвиделось, панические настроения стали овладевать организацией всего Мишиного перенервничавшего организма не на шутку!

– Зачем я его вчера в дом впустил? – спрашивал он то и дело у кого-то невидимого, глядя то в пол, то в стену. – Боже мой, как было всё замечательно, тихо и гладко, до этого сегодняшнего злополучного дня!

Клюеву было некогда вникать в мольбы удручённого жизненными обстоятельствами товарища, его неутомимая работоспособность, похоже, достигла своего наивысшего, триумфального апогея!

По всему облику изобретателя, не возможно было не догадаться, что он нашёл какую-то зацепку, какую-то, невидимую глазу простого смертного, нить, и теперь не отступится от неё – ни за что на свете!

Прохор бегал вокруг стола, что-то чертил, перечёркивал, снова чертил, перечёркивал... Постоянно разговаривая с самим собой на малоизученном языке провинциальных изобретателей, переливал разноцветные жидкости, из мензурки в мензурку, из колбы в колбу, а из колбы на стол и на пол.

Всё трещало, шипело, булькало.

Наконец, когда бедная кухня, где производились опыты, превратилась в полный бардак, Клюев остановился, облегчённо вздохнул и, с видом удовлетворения от сделанной работы, опустился в кресло.

– Всё! – сказал изобретатель. – Завтра запустим механизм ускорения.

– Какого ускорения? – с испугом во взгляде спросил Михаил.

– Обыкновенного. Мы же не можем постоянно висеть над этой деревушкой. Завтра, с помощью специального магнитного ускорителя, который мы приспособим к нашему микродвигателю, работающему на чистом воздухе и человеческом энтузиазме, наш «корабль» отправится в дальнейший полёт. И – главное! – я придумал, как сделать его почти невидимым, чтобы люди снизу не принимали за НЛО.

Михаил понял, возражать тут не имеет смысла: его гость – либо помешанный, либо сумасшедший.

Кончился день. Началась ночь, и скопище созвездий, усеявшее заоконный пейзаж, несколько успокаивало душевные треволения. Бим посапывал, уткнувшись мордой в спинку дивана.

«Елы-палы! – опомнился Шурик Ложкин. – Как же я мог забыть про свиданье?! Ленка теперь ни за что мне этого не простит!» – мысли его лихорадочно пустились бегать под черепной коробкой, натываясь одна на другую и чертыхаясь. Подняв с травы выроненный из рук букетик полевых цветов, он всё-таки, наконец, решился двинуться в сторону её дома.

Лены дома не было... Странно, в такой поздний час она непременно должна была находиться, если уж ни в постели, то хотя бы в огороде. Обойдя все десять соток, Шурик понял – в огороде её тоже нет.

Место работы продавщицы Лены находилось тут же, неподалёку, а вот Ленина мама жила в соседской деревушке. Дойдя до давно закрытого на пару амбарных замков «шинка» (как ласково обзывали местные жители свой любимый, единственный сельский «супермаг», и, не увидев в нём ничего, что нельзя в этот час увидеть, Ложкин грамотно рассудил: «значит, обиде-

лась и подалась ночевать к маме». Успокоив себя этой здоровой мыслью, он направился, тихой своей дорогой восвояси.

5

Наутро следующего, очень даже солнечного дня, наспех перекусив, тем, «что Бог послал», почти никогда неунывающий изобретатель Ключев сказал:

– Итак, мои верные друзья, соратники и спутники – да-да, я к вам обращаюсь, уважаемый Михал Иваныч и, не менее уважаемый, Бим Бимыч – сегодня знаменательный для всех нас (и, вообще, для всего научно-технического прогресса) день! Чтобы вам было попонятнее, объясняю всё простым, рабоче-крестьянским языком. Значит, мы берём вот эти штуки, что стоят и лежат на этом столе, запускаем вот эту интересную штуковину в другую удивительную штуковину... Видите, загорелся розовый светодиод? Та-а-ак... Теперь зажимаем тут и тут... И замыкаем провода. Проще простого! Всё! – можно испытывать... Михаил, где пульт?

– Под подушкой... Чтобы не потерялся...

– Замечательно. Давай-ка его сюда. Я настрою третью кнопку для подачи нужного сигнала.

Довольная улыбка сияла на губах выдающегося изобретателя, когда он, наконец, «пришпандорил» необходимый «причиндал» к пульту управления гравитационным механизмом.

– Теперь можно нажать! – победно заключил великий гений.

– На белую кнопку нужно? – уточнил Ромашкин.

– На белую!

– Жму, – предупредил Миша и опустил палец на белую кнопку.

Прошла минута.

– А-а-а-а-а! – прорезал жуткий крик утреннюю безоблачную тишину. И в «летающий дом», сорвав с петель дверь, ворвалось нечто совершенно непредвиденное! Врезавшись в печку «галандку», это нечто резко остановилось и перестало издавать ужасные, режущие слух звуки. К всеобщему удивлению, перед изобретателем, Михаилом и Бимом предстала старая железная кровать, на кровати лежал матрас, а на матрасе девушка в нижнем белье. Её безумно напуганный взгляд метался из стороны в сторону и ни на чём не мог сосредоточиться. Волосы были всклочены, и по всему становилось сразу ясно – она только что невольно проснулась. Бурно взволнованная неожиданным полётом, полуобнажённая грудь девушки, казалось, разорвётся сумасшедшим сердцебиением!

– В... вы... к... к... кто? – задала она вполне логичный вопрос, как ни странно почти не заикаясь.

– А Вы? – ответил вопросом на вопрос Ключев.

– Я? Лена, пр... пр... продавщица, – сказала она, подумав.

– Какая продавщица? – осведомился Миша.

– Хлебобулочных... макаронных... колбасных... вино-водочных изделий... – запинаясь, отвечала бедная девушка. – Бытовую химию тоже, в ассортименте... А вы это... И-и-инопланетяне?

– Мы?! Ха-ха-ха-ха! – засмеялся Ключев. – Конечно, инопланетяне! Ещё какие! Вот, это – наша летающая тарелка, – он обвёл рукой комнату. – Вот, это – инопланетянин Миша. Прошу любить и жаловать! Это – инопланетный пёс Бим. А я – главный местный гуманоид, Прохор Петрович. Всегда к Вашим услугам!

Реагируя на добрый юмор «капитана летучего дома», Лена немного успокоилась.

– Теперь, расскажи нам, как ты попала на наш НЛО? – сурово спросил принципиальный холостяк Миша.

– Не знаю, – всхлипнула девушка. – Но... вчера, после работы, я решила навестить маму – она живёт в соседней деревне – мама всегда радуется, когда я приезжаю по выходным. В этот раз они выпали на четверг, пятницу и субботу – мы посменно работаем. Вечер был таким приятным, что усталость после рабочего дня совсем не ощущалась. Я шла по дороге, ведущей в сторону маминого дома, как, вдруг, услышала жуткий визг какой-то собаки. Повернув голову, я очень сильно испугалась: собака, вместе с будкой, поднималась прямо в небо! Конечно, сначала я подумала, может это кино какое снимают, но, подняв вверх глаза, я не увидела, ни верёвок, ни вертолёт, за который могла бы быть прицеплена несчастная псина.

При слове «псина», Бим обиженно (или демонстративно) спрыгнул с дивана и ушёл в дальний угол комнаты. Девушка проследила за ним взглядом, о чём-то подумала, и продолжила свой печальный рассказ:

– Так, вот. Постояла я немного возле калитки и решила войти – порасспросить хозяев, что за чудеса творятся на их участке среди бела дня, вернее – вечера... Глядь, а дома-то и нет! Неделю назад ещё стоял, а тут, как сквозь землю провалился – ни кирпичика, ни брёвнышка, ничего нет!

– Ну, и что было потом?

– Потом... Подошла я поближе к тому месту, откуда собака с будкой улетела, смотрю, на земле штука какая-то валяется, блестит. Ну, я, дура, её в карман и положила. А уже когда спать ложилась, на спинку кровати повесила... Если бы я знала...

– Ага... теперь всё ясно! – заключил Клюев. – Наверное, собака, пока металась в испуге, один из механизмов, которые я приделал к будке, случайно, сорвала... А вот и он, кстати... к стальной спинке примагнитился... это его и задействовало.

– Ты бы, девушка, думала, – поучительно произнёс Михаил. – Прежде, чем ложить в карман, чего ни попадай! Не хватало бы ещё, чтобы из-за тебя, нас рассекретили!

Лена, боясь, что её могут ненароком и прибить, сидела на своей кровати, молча, как мышка.

– Одеяло, видимо, при полёте, с Вас сорвало ветром? – догадался Клюев.

– Да, ветром, – кутаясь в сорочку, кивнула Лена.

– Миша, как тебе не стыдно, грубить такой красивой девушке?! Ты же самый-самый гостеприимный человек, – улыбался изобретатель. – А она – твой утренний гость. Лучше скажи, пожалуйста, не осталось ли у тебя от твоей бывшей, горячо нелюбимой, какой-нибудь одежды для Елены?

– Баба на корабле – к несчастью, – проворчал верный хозяин «холостяцкого жилища», уходя в чулан на поиски «бабьего шмотья».

– Вот! – провозгласил он, бросив девушке майку и трико, такие же, как у него самого. – Другого ничего нет. Шмотками своей «благоверной» я печь истопил. Правда, тепла не прибавилось...

Стоит ли говорить, что попав в столь дикое положение, девушка ещё долго никак не могла прийти в себя. Вытянутая неведомой силой из дома своей матушки, которая только что вышла подоить козу, и подброшенная той же силой в самую высь неба, она, конечно, чуть было не померла со страху... Но теперь стало ещё страшнее! «Кто они такие? – думала она. – Ненормальные люди? Или не люди, а инопланетные существа, переодетые в кожи людей? А вдруг они захотят меня больно обидеть или использовать в неприличных целях – в качестве обеда?!»

– Можете наряжаться! – прервал её мысли Клюев. – Мы с Мишей уйдём в другую комнату, чтобы Вас не стеснять.

Перехватив Ленин взгляд, он добавил:

– Да, и Бим тоже пойдёт с нами.

Шаркая «инопланетными» тапочками, мужское «племя гуманоидов» удалилось в комнату изобретателя.

Напяливать на себя чужое мужское трико не очень то и хотелось, но более приемлемой альтернативы никто не предложил, а оставаться полуголой в компании трёх незнакомых «инопланетян» было, как минимум, непорядочно! Одежда пришлась ей впору. Домашнее трико (в обиходе так же известное, как подштанники, или портки), вообще, до такой степени замечательная вещь, что практически не важно, какого они размера, лишь бы не меньше. Подтянул резинку, подвернул штанины и, как говорится – «гуляй, Вася – жуй опилки!» (что означает – всё в полном ажуре!).

В дополнение к трико, приспособив майку вместо сарафана, а сорочку вместо юбки, милая «королева красоты» пригладила рукой свои кудряшки и предстала перед командой «летающего дома», как некий сказочный персонаж.

– Полюбуйтесь, друзья мои, как преобразилась наша гостья! – похвалил Клюев. – Будь я, хотя бы немного, художником, не задумываясь, взял бы, и написал пейзаж или натюрморт! И назвал бы его: «И так сойдёт».

– А, по-моему, баба-Яга получилась, – поморщился Миша.

Лишний раз, доказывая силу женской зависимости от мнения окружающих, касательно своего наряда (какой бы ни была ситуация), Лена, пряча стыдливую улыбку, залилась краской и опустилась на табуретку.

– Не вздумайте выходить на улицу, – предупредил Клюев. – Мы находимся на высоте 700 метров над уровнем вашей деревни. Упадёте и... разобьётесь!

Нужно было решать, как поступить с этой «безбилетной пассажиркой».

Не обращая более на неё внимания, Прохор и Михаил зашли в кухню и стали, медленно, с расстановкой обдумывать этот непростой вопрос.

– Предположим, если мы высадим её прямо тут, она сразу разболтает о нас, значит, скорее всего, улететь мы далеко не успеем, – предположил изобретатель. – Репортёры разорвут нас, как лакомый кусок, а там найдутся и люди, вечно жаждущие поживиться чужими открытиями. Тогда уже трудновато будет продать это «чудо». Даже просто любопытные могут одолеть...

– А, может, выбросить её «за борт», в какую-нибудь речку – и все дела? – робко предложил Миша. – Баба с возу...

– Что ты?! – испугался Прохор. – Не красавица, конечно... но, всё-таки человек!

– Курица не птица... – не унимался Ромашкин.

– С другой стороны, пусть бы и рассказала... за дуру примут... а какой с дуры спрос?

– Ха... Дуру примут за дуру и в психушку отправят! – усмехнулся Миша.

Но Клюев юмора, видно, не понял:

– Верно... Нельзя так с человеком, тем более с женщиной, поступать. Придётся взять её с собой! Сами виноваты: я с механизмами плохо постарался, а ты... Собаку надо было воспитывать, чтобы не хулиганила!

Миша нахмурился, махнул рукой и принялся чистить картошку.

– Эврика! – воскликнул Клюев, подняв вверх указательный палец, и вышел из комнаты.

Через две секунды дверь снова открылась, и Михаил увидел, что Прохор привёл с собой «врага»!

– Итак, милая леди, – обратился он к девушке. – Мы с моим другом, посоветовавшись, решили пригласить Вас, составить нам компанию в нашем путешествии!

Лена удивлённо подняла брови. По мере возвращения в её головку проблесков сознания, она пыталась оглядеться вокруг. «Обыкновенные люди. Обыкновенная обстановка, – утверждались в ней мысли. – Если бы не этот невероятный полёт, можно было бы представить, что я просто зашла в гости в соседский дом...»

– Я, и мои друзья, летим на один из удивительнейших островов на всём земном шаре, – продолжил изобретатель, не обращая внимания на Мишины косые взгляды. – К сожалению (а может и к счастью), уже и этот остров – частная собственность. Его выкупил один из богатей-

ших людей на нашей планете. Этот «Банановый Магнат» (как его называет общественность) – большой ценитель редкостей, и коллекционирует всё, что является раритетом. Недавно, говорят, он приобрёл шапку-неведимку, которую никто никогда не видел и не увидит. Чуть ранее, за коллосально-круглую денежную цифру, его скупщиком была куплена для его музея, единственная в своём роде, коллекция деревянных ложек... Так вот, мы хотим продать ему этот «летающий дом», как минимум за три миллиона долларов. Согласитесь, для хижины, построенной лет восемьдесят тому назад – сумма вполне приемлемая.

Михаил негодовал: «Что же делает этот деятель? Раскрыл все карты первой попавшей юбке! Теперь придётся делить не на двоих, а на троих! Отдать полмиллиона баксов?! Ну, не-ет! Это уж слишком!»

– При успешном исходе сделки, деньги можно распределить следующим образом, – определил Клюев, уловив ход мыслей Ромашкина. – Так как дом принадлежит Михаилу, ему большую часть – 50%. Мне, как человеку, выполняющему транспортировку «товара» до места назначения – 30%, а Вам, Елена, соответственно – 10. Остальные 300 000 \$ – в Фонд Мира.

По Мишиному светящемуся лицу было понятно – теперь он доволен!

Время близилось к обеду.

– Елена, Вы не поможете нам почистить картошку? – предложил Клюев.

– С радостью! – искренне ответила успокоившаяся девушка.

6

Магнитный ускоритель микродвигателя работал на славу! Как только Миша, по пугливой привычке прищурился, нажал на белую кнопку пульта управления «летучим домом», его жилище понеслось по залитому солнечным светом небу со скоростью перелётной кряквы!

Внизу, под домом, на расстоянии нескольких сот метров от основных венцов, расстилась бархатная гладь родных лугов, лесов и озёр. Это только на географических картах и на глобусе всё в замершем состоянии. На самом деле, когда смотришь на землю с высоты полёта, не устаёшь удивляться, как шевелится, каждым своим лоскутком, вся эта интереснейшая живая картина!

– Какая прелесть! – восхищалась Лена. – И, как нехорошо, что мы – очень приземлённые люди – даже не представляем, на какой красивой Земле живём!

Она отошла от кухонного оконца, сняла с конфорки пышущий ароматами борщ и позвала мужчин к обеду.

– Друзья мои, – начал застольный разговор изобретатель, ловко орудуя ложкой и размахивая горбушкой зачерствевшего хлеба. – Сегодня я понял, в дорогу нам необходимы запасы воды, горючего для печки и продовольствия. Кстати, для предстоящей высадки на остров, не помешало бы обновить и гардероб... Вкусный суп, Елена! Вы – прирождённый кок! ...а что у нас на второе?

– И как же мы сможем пополнить наши запасы? – спросил Миша.

– Я уже всё придумал... Елена, подложите мне, пожалуйста, ещё картошки.

– Пожалуйста! – подложила Елена.

– Мы поступим по Вашему опыту, наша милая гостья. Вот этот прибор, отвалившийся от собачьей будки, так похожий на драгоценную безделушку, которую Вы выбрали на участке Михаила, способен поднять, как выяснилось, солидный вес... Извините, я не имел в виду Вас, Елена...

– Ты предлагаешь нам кого-нибудь обворовать? – усмехнулся Миша.

– Ни в коем случае! Мы не станем таскать чужих овец, банковских сейфов и тому подобное. У меня имеются кое-какие деньги. Вблизи одного из населённых пунктов, я спущусь

на землю, куплю всё необходимое, сложу в ящик и ... останется только замкнуть контакты антигравитационного прибора, нажав на первую кнопку пульта.

– Логично! – кивнул Ромашкин. – Но, как ты спустишься? По верёвке?

Клюев встал со стула, достал из нагрудного кармана рубашки бумажку, сложенную вчетверо и, развернув её, заговорчески заговорил:

– Над этим изобретением я бился с самых ранних лет. Это – автоматическая «верёвочная лестница»! Как видите, это совсем не то, что подразумевает под собой обыкновенная лестница из перекладин соединённых верёвками. Во-первых: передвигающийся по ней человек, со всех четырех сторон, находится полностью в защищённом состоянии. Защиту обеспечивают вот эти ремни безопасности. Во-вторых: перекладин и поручней всего несколько, чтобы держаться за них в момент перехода вот в эту «корзину», – изобретатель указал на крупную точку на чертеже. – «Корзина» перемещается по направляющим слаботочным проводам автоматически. А в действие она приводится с помощью данного агрегата, – он опять ткнул пальцем в бумажку. – Работающего от усилителя, использующего приёмник настроенный на телепатические частоты.

Слушатели, в том числе и Бим, моргали непонимающими глазами.

– Ладно, – заключил учёный. – Всё равно вы ничего не поймёте. Я и сам только позавчера, пока ехал в поезде сообразил, что к чему. Но зато, вы можете помочь осуществлению моего замысла.

Несколько часов продолжались работы по созданию «лестницы». Видя, как тонки слаботочные провода, Ромашкин, исполняющий важную функцию – «подай-принеси», не удержался от вопроса:

– А, как же такие хрупкие проводки выдержат твой вес, да ещё корзину с мотором?

Прохор улыбнулся:

– Я не говорил, что им придётся выдерживать вес. Тем более, веса никакого не будет ни у меня, ни у корзины. А так же, не будет и мотора.

– Как так?

– Очень просто. Наш вес – это не что иное, как определённое отсутствие сопротивления силе Земного притяжения. С помощью моих приспособлений установится сопротивление гравитации, а провода, как я и говорил, будут исполнять роль направляющих, передающих сигнал на «корзину». Как ты уже понял, я почти не использую механического оборудования для борьбы с притяжением, а внедряю энергетически-волновые импульсы. Случалось ли тебе когда-нибудь видеть мотор, у нашей планеты, такой же, как у трактора или самолёта?

– Нет...

– А ведь кружится! И, вероятно, борется с не меньшей силой, чем собственное притяжение. И течение воды, и порывы ветра, всё это – импульсы энергии, как сила целенаправленной мысли. Давно пора всем людям научиться управлять мысленным потоком. Мышление наше до сих пор не далеко ушло от обезьяньего – бороться с природой за выживание исключительно физическими усилиями, вместо того, чтобы принять природные законы, освоиться в них и приспособить под свои нужды. Тут, главное не переборщить, как, должен признаться, у меня неоднократно случалось...

– Скажите, Прохор Петрович, – поинтересовалась Лена. – Сколько может продлиться наше путешествие?

– А что? Вы боитесь потерять работу или дети дома остались одни?

– Нет, работу мне потерять не жалко! И детей у меня нет. Просто, чтобы мама не переживала, хотелось бы сообщить ей, когда я вернусь.

Прохор задумался.

– Маму расстраивать нельзя. Завтра мы решим эту задачу, обещаю Вам.

Ближе к вечеру конструкция именуемая «верёвочной лестницей» была готова.

Отужинав, приготовленным Леной по маминому рецепту, вкуснейшим пловом, компания путешественников, выбралась на веранду и углубилась в просмотр волшебной картины на экране закатного горизонта.

– Какое сказочно-феерическое Представление на сцене мироздания! Не правда ли, друзья?

– Вы – поэт, Прохор Петрович! – поддержала бывшая продавщица.

Казалось, даже на вечно недовольного Михаила благотворно влияли лучезарные разливы света заходящего солнца, ласково освещавшие контуры облаков, макушки лесных возвышенностей и зеркальную гладь озёр.

– Талантливый человек, талантлив во всём, – вспомнилась ему чья-то фраза. – И спасибо за это Богу! – добавил он от себя.

Клюев неотрывно, мечтательно любовался пейзажем.

– Поэзию, как и любое открытие, – говорил он. – Порождает сама природа. Те люди, что, заблуждаясь, все свои «подвиги» приписывают исключительно собственному «я», никогда не делают настоящих открытий и не создают настоящих стихотворений. Духовное не может быть только внутренним – оно пространственно! На то оно и духовное. Принадлежность к вселенной не даёт нам права находиться вне её...

– Смотрите, смотрите! Что это там, вдалеке, у самого горизонта, так ярко сверкает? – вдруг воскликнула Лена.

Бим вскочил с коврика, на котором сладко дремал, и встревожено залаял.

– Ах, Лена! Ну, зачем же так громко кричать и пугать собак?! – спросил Миша. – Это просто море.

– Да. Так и есть, – подтвердил изобретатель. – И уже к завтрашнему вечеру наш воздухоплавательный «корабль» поплывёт над его волнующимся, глубоким простором.

Перед трудным мероприятием следовало, как следует выспаться. Для новой гостьи требовалось спальное место, и «самому гостеприимному» хозяину, пришлось перебираться на кухонный диванчик.

Лена легла на кровать, её мысли, наполненные романтическим вдохновением, спокойно засыпали: она уже знала, какое письмо напишет утром своей маме.

7

Календарный лист на стене утверждал, что началась пятница. Утром накрапывал дождь. К обеду он прекратился, но облака (а может быть и тучи) продолжали скрывать солнечный свет, отчего было ещё прохладнее. Конечно, можно было набрать высоту и подняться выше облаков, но команде «летающего» требовалось высмотреть ближайший населённый пункт – желательно не город, а посёлок – с магазином, а лучше – рынком.

– Вижу цель! – крикнул Ромашкин. – Слева от нас виднеется какая-то деревушка.

Клюев достал из кармана цирковой бинокль (другого у него не было) и тщательно оглядел местность.

– Да, судя по всему, не город. Здесь и остановимся.

Уже научившийся управляться с пультом, Миша, в тайне ощущая от своей «должностной обязанности» даже некоторую гордость, нажал соответствующую кнопку. Контакт прервался. Микродвигатель остановил подачу невидимых потоков энергетического излучения и «летающий дом», без единого колебания, повис в воздухе.

– Значит, после того, как всё будет готово, я передам сигнал, и тебе, Миша, останется только не ошибиться при выборе кнопок, – давал окончательные распоряжения изобретатель, устраиваясь в корзине на, так называемой, верёвочной лестнице.

– Я справлюсь, – заверил Ромашкин.

– Удачи Вам, Прохор Петрович! Не забудьте...

– Спасибо, Елена! Я обязательно, куплю конверт, запечатаю в него письмо, что Вы мне дали, и отправлю Вашей маме... Да... Отварите нам, пожалуйста, если Вас не затруднит, к обеду вермишели, или других макаронных изделий. У Михаила, надеюсь, в буфете ещё остались эти изыски пищи гурманов? А я, к вашему гарниру... Тьфу ты! – к гарниру, достану что-нибудь существенное.

Последние слова, скороговоркой, он проговорил уже из «корзины», которая начала плавно спускаться по направляющим проводам. Груз, на том конце проводов, не давал «лестнице» сильно раскачиваться по ветру, и в благополучном спуске можно было не особо сомневаться. Вот, изобретатель превратился в маленькую точку и совсем исчез из виду, только мигающий светодиод, на индикаторе, прикреплённом с этой стороны к «верёвочной лестнице», показывал, что Клюев всё ещё не приземлился.

Прохору, наверное, впервые в жизни, было, немножко, страшновато. Нет, не высоты он боялся, и даже не упасть. Он опасался за свой многолетний труд, а трудился он не просто над созданием устройства для удобного спуска с небесной высоты. Для этого во многих случаях подошёл бы обыкновенный парашют. Ещё с детства, когда он зачитывался фантастикой Жуля Верна, Герберта Уэллса и Александра Беляева, его занимала одна глобальная мысль – возможно ли в реальной жизни, как и в байках добрых писателей-фантастов, задействовать телесно-духовную энергию человека настолько, чтобы можно было, вступив в полное взаимодействие с физическо-химическими свойствами родной планеты, управлять хотя бы собственной гравитацией?

«Корзина» плавно передвигалась вниз, но Клюеву, по мере приближения к земле, казалось, что скорость его спуска увеличивается. «Наверное, оборудование пока плоховато справляется со своими обязанностями» – подумал он, и благополучно упёрся ногами в сырую от дождя травянистую почву.

До деревушки, как и было задумано в целях безопасности, оставалось с километр. Пришлось прогуляться пешком.

Продуктовый магазин стоял на отшибе, у самой дороги. Но заходить в него было рано. Сперва требовалось исполнить обязательство, данное Елене – отправить письмо её маме.

По счастливой случайности почтовый ящик, разумеется, мог висеть на стене любого из ближайших строений, но, увы, его нигде не было.

Почта, как положено, гордо располагалась в центре посёлка. До обеденного перерыва оставалась ещё уйма времени. Купив свежую местную газетёнку, Клюев, без намёка на удивление, прочитал: «Мистическое происшествие! Загадочное исчезновение дома вместе с хозяином!»

– Ходят слухи, инопланетяне хулиганят, – умозаключила скучающим голосом почтальонша.

– М-да, – отозвался Клюев. – Совсем за экологией некому смотреть. Так скоро не только инопланетяне – медведи летать начнут!

Конверт с надписью «С Новым Годом» скрыл листок с Лениным посланием, и отправился в почтовый ящик.

Оставалось позаботиться о провианте.

В магазине было тихо и спокойно. Две скучающие дамы – продавец и кассир – распивая «капучино», вприкуску с овсяным печеньем, о чём-то монотонно рассуждали. Судя по выражению их милых лиц, при появлении Клюева, покупатель, в такой день и час, для этого магазина был – очень редкой птицей.

Через полчаса на прилавке перед кассой возвышалась гора съестных припасов выбранных изобретателем.

– Давненко у нас никто не набирал столько за один раз! – цветы довольной улыбкой, откровенно призналась продавщица.

– Ну... С моим аппетитом, этого и на день не хватит! – отшутился рьяный покупатель.

– С Вас восемь тысяч триста сорок семь рублей восемьдесят две копейки, – милым голосом произнесла улыбающаяся кассирша.

Тщательно отсчитав требуемую сумму, изобретатель даже не заметил, как, случайно, отдавая мелочь, вытащил из кармана, и отдал один из антигравитационных механизмов. Кассирша, так же случайно, ничего лишнего не заметив, аккуратно положила купюры к купюрам и, бросив мелочь (вместе с механизмом) в стальной ящик кассы, с характерным щелчком, тут же его задвинула.

Неся в каждой руке по полному баулу еды, Клюев, еле-еле протиснувшись в дверь, вышел из магазина.

Тяжёлую ношу следовало утащить подальше от людских глаз, чтобы никто не видел, как она будет улетать в небо. Клюев прошёл метров триста и чуть не свалился, споткнувшись на ровном месте. Сумки тянули его к земле, руки отрывались, а по лицу ниспадал водопад солёного пота.

Оглядевшись по сторонам и никого вокруг не заметив, он всё-таки решился отправить груз на «летучий», не доходя до места назначения, и подал сигнал Ромашкину.

В «летучем доме» запищал сигнализатор. Бим насторожился. Истомившийся в ожидании Михаил вскочил со стула, взял с кухонного стола пульт и нажал нужную кнопку.

Никогда ещё продавец и кассир сельского продуктового магазина не видели, как умеет летать их касса! Ошарашенные, будто ударом молнии, выронив из рук печенье и «капучино», стояли они с выпученными глазами и не могли двинуться с места. Всё произошло очень быстро. Проскользнув под потолком, кассовый аппарат, вместе с ящиком и деньгами, разбил двойное оконное стекло и вылетел на улицу! Только тут спохватились обе дамы. Но, выбежав вслед за кассой, не обнаружили ничего, кроме осколков разбитого стекла.

Изобретатель, налегке, вернулся к «верёвочной лестнице».

8

Подъём занял столько же времени, сколько и спуск – восемь с половиной минут. Прохор открыл входную дверь и вошёл в дом. Елена, разбирая сумки, раскладывала еду по полкам. Михаил подсчитывал «прибыль» прилетевшую в кассе. Бим спал.

– Не ожидал... не ожидал я от тебя такого! – восхищённо проговорил Ромашкин. – Я думал, ты обыкновенный недотёпа, как и большинство физиков-шизиков, а ты, оказывается, ещё тот махинатор! Ловко ты придумал свою магнитную штуковину в кассу подсунуть! Как только тебе удалось?!

– Кассу? – недоумевая, Клюев стал чесать затылок. – Постой-ка, так, значит, мой антигравитатор оказался в кассе?! То-то я его не досчитался, когда сумки отправлял!

– Так, ты нечаянно? – удивился Ромашкин.

– Конечно, нечаянно. Разве я мог в таком захудалом магазине, накупив кучу продуктов, иметь наглость, утащить кассу со своими же деньгами?!

Вникнув в суть дела, Миша покотился со смеху. Оказалось, что в кассе была – копейка в копейку – именно та сума, которую заплатил изобретатель!

– Деньги нужно вернуть, – уверенно сказал виновник «махинации».

– Ты, что? Как ты их теперь вернёшь? Там, наверное, уже вся деревня любопытствует, во главе с милицией.

– Так, или иначе, а надо вернуть! – повторил Клюев. – И ты мне должен помочь.

– Я не пойду, – испугался Ромашкин.

– Всё готово! – пригласила Елена. – Прошу к столу!

Наворачивая на вилку спагетти, Прохор убеждал:

– Бояться нечего! Тебя никто не видел, а я надену специальный невидимый костюм, пропитанный тем же раствором, каким я покрыл снаружи твой дом. Кассовый аппарат (вместе с деньгами!) спрячем в мешок из невидимой ткани.

– А нельзя его, своим ходом, отправить с помощью твоих изобретений?

– Увы, Миша, если бы и получилось, наш антигравитатор попал бы в чужие руки, а это для всех очень опасно!

– Прохор Петрович, извините, если хотите, я могу пойти с Вами в магазин, возвращать кассу, – предложила бывшая продавщица.

– Спасибо, Елена!

Пристыженный подобной выходкой девушки, Михаил отложил ложку и отодвинул тарелку.

– Не надо, – фыркнул он. – Мы сами справимся!

Пообедав, и чуть-чуть передохнув, стали собираться.

Вниз Ромашкин смотреть не собирался. Даже тогда, когда его ноги коснулись земли, он продолжал стоять с закрытыми глазами и боялся пошевелиться.

– Миша, поправь мне, пожалуйста, воротник сзади, чувствую, зацепился за что-то, – потревожил его Ключев, успевший уже облачиться в невидимую одежду.

– Где поправить? – спросил Миша. – Я не вижу, ни тебя, ни твоего воротника. Только слышу.

– Всё правильно, это же невидимый костюм! – усмехнулся голос изобретателя. – Не видишь, значит, всё в порядке!

Михаил шёл по дороге к магазину. Его нервозность заставляла его ноги идти быстрее.

– Да не торопись ты так сильно! – сказал голос из-за спины. – Не забывай, на мне наряд непривычный, а ещё и мешок приходится тащить!

Михаил замедлил ход.

– Ну вот, так лучше, – выдохнул голос. – Главное, не волнуйся! Открой дверь пошире (для меня), войди, спроси минеральной, как ни в чём не бывало – откуда тебе знать, что у них стряслось?! – отвлеки внимание... об остальном я позабочусь.

На двери висела табличка. Крупными красными буквами надпись по-русски объясняла: **ЗАКРЫТО**

– Смелее! – шепнул голос Ключева и, невзирая на «закрыто», невидимая рука толкнула дверь.

– У вас есть минеральная... вода? – прямо с порога прокричал Михаил и, немного помедлив (пропуская вперёд невидимого изобретателя), вошёл в магазин.

– У нас закрыто! – не обращая внимания на вопрос, недовольным голосом произнёс какой-то мужчина в сером костюме.

Две напуганные женщины, похоже, в десятый раз, пытались объяснить своему директору, то, чего и сами никак не могли понять.

Милиция уже уехала. Но, продолжать торговлю без кассы, было запрещено законом. И нужно было решать вопрос с разбитым окном.

– Мне бутылку минеральной! – будто не расслышав ответа, громко повторил Михаил.

– Молодой человек, Вам же говорят, магазин закрыт! Вы что, табличку не видели? – удивилась продавщица, что постарше.

– Так пить хочется! – не унимался назойливый покупатель. – Такая духота сегодня весь день...

Он быстро подошёл к полке с напитками, взял первую попавшую бутылку, которой оказалась вода «Ессентуки», и, не давая, ни продавцам, ни директору, ни себе опомниться, продолжил:

– А может холодненькая есть?

– Продайте ему... И пусть уходит! – не выдержал мужчина в сером костюме.

– Без чека? – спросила кассирша.

– Ну, разумеется! – воскликнул раздражённый директор. – Кассу то просра...

Последний звук он произнести так и не смог. Его застывший в открытом состоянии рот напрочь отказывался закрываться. Повернув голову туда, куда был направлен взгляд директора, и где недавно стоял хорошо известный аппарат, пробивающий покупателям чеки, все не на шутку удивились – касса оказалась на прежнем месте!

Первой села на кассету яиц кассирша. Следом за ней, попятившись и опрокинув несколько палеток с лимонадом, скатилась по витрине вторая. В наступившей гробовой тишине прожужжала одинокая муха. И, вдруг, раздался, видимо долго сдерживаемый, смех невидимого изобретателя. Михаил поспешил открыть дверь и покинуть место Представления. Дверь за ним, под воздействием тугой пружины, громко захлопнулась. Женщины и мужчина вздрогнули и обернулись на этот «хлоп». В магазине никого больше не было... но дикий смех всё не прекращался!

В дополнение, с одной витрины слетело и покатилося по полу несколько консерв, с другой – тут же посыпались конфеты, с третьей – бутылки и банки с алкогольной жидкостью.

Конечно же, изобретателю, не видящему своих собственных конечностей, передвигаться было очень трудно. Стараясь поскорее убраться из этого злополучного помещения, открывая дверь, он случайно зацепился капюшоном, скрывающим его голову, за гвоздь на котором висела табличка «закрыто», и...

В момент, когда все взгляды были устремлены на самопроизвольно открывшуюся дверь, в дверном проёме появилась голова... без тела! Повернувшись, посмотрев на людей, находящихся в ужасе, и глуповато улыбнувшись, голова сказала:

– Извините!

И снова исчезла.

Михаил был уже далеко. Скорость его передвижения приравнивалась к скорости передвижения отдельных представителей парнокопытной фауны. По случайности, он всё ещё не заметил, что в его руке так и осталась бутылка «Ессентуки».

Клюев, вырвавшийся из магазина, последовал за ним.

Несколько одиноко идущих прохожих надолго запомнили этот день (по роковому стечению обстоятельств, пятница значилась под календарным числом 13). С криками ужаса шарахались они в разные стороны (а некоторые теряли сознание и падали в обморок), когда мимо них, под топот невидимых ног, пронеслось одноглазое лицо, не имеющее ни головы, ни туловища.

Уже на следующий день газеты пестрели новыми мистическими заголовками.

– Инопланетяне хулиганят, – пробубнила скупающая почтальонша, читая очередные «Новости глубинки».

9

Разговаривать с Клюевым Ромашкин не хотел. На расспросы Елены, отмахивался рукой.
– Не буду больше участвовать в подобном «цирке». Серьёзно ли, взрослым людям вести себя, как последним болванам, пугая людей невидимым видом?!

Не смотря на такие настроения, «Летающий дом» продолжал свой плавный полёт в сторону моря.

– Но, у них были такие лица! Я не мог удержаться, как ни старался, – объяснял ситуацию, ещё не отошедший от припадка смеха, улыбающийся всем лицом изобретатель.

Лопухий питомец Михаила, в отличие от своего хмурого хозяина, видимо, чувствуя задорную энергетику Клюева, весело кувыркался по полу и собачья улыбка на его лохматой, чёрно-рыжей морде выражала состояние полного блаженства.

– Собака это – термометр. И не только человеческой погоды, но и галактической! – многозначительно поведал «знаток собачьих душ» Клюев. – Вот в ком истинное понимание космологии и метафизики!

Михаил упрямо молчал.

Чтобы поддержать беседу, Елена сказала:

– Да, Биму то хорошо. У него шерсть, вон, какая тёплая! А на нашем, обыкновенном измерителе, кстати, температура воздуха уже меньше 17 градусов.

Михаил вздохнул, и отправился топить печку последними дровами.

Изобретатель, почесал затылок, достал из своего портфеля пару микросхем, коробочку позитронов, паяльник, провод, изоляционную ленту, и принялся мастерить солнечную батарею (возможно, даже солнечный радиатор).

Бесконечно счастливая улыбка озарила его лицо, когда, вывесив батарею за окно и подсоединив последние провода, он, наконец, задействовал электромагнитную волну для отопления, освещения и беспорной победы науки над пережитками прошлого.

Небо наливалось закатным цветом. Без обещанного моря было не обойтись, и команда отважных покорителей небесного простора, как и вчера, выбралась на веранду.

Запах прибоя уже доносился свежим бризом. Шум волн, бьющихся о каменистые утёсы, на таком расстоянии, разумеется, слышен не был. За то, сверху, само море выглядело таким бесконечно огромным, что и Елене и Михаилу стало по-настоящему жутко.

Ещё немного и берег исчез из вида. Солнце скрылось. Облака закрывали звёзды. Всё вокруг объяла непроглядная тьма.

По всем законам физики, непредвиденных обстоятельств не намечалось. И всё-таки, в оглушительно безмолвной темноте мыслям свойственно напрягаться. Чтобы этого не происходило, есть два варианта подходящего выхода: либо – лечь спать, либо – подняться выше облаков! В случае с «летучим домом» второй способ можно было испробовать реально.

– Друзья мои, – прервал затянувшееся молчанье изобретатель. – Тепло в доме до восхода солнца запросто продержится. Потом опять заработает солнечная батарея, а с ней и радиатор отопления. Воздух, чем выше, тем разреженней, но, всё равно, хочу вам предложить подняться выше облаков. Море есть море, не всегда известно, когда и как может начаться шторм.

Честно говоря, Михаил обрадовался предложению Прохора. Почему-то, ему казалось, что облака более твёрдая субстанция, чем море. Он понимал, что это не так, но, порой, для собственного успокоения, банальной иллюзии очень не хватает.

Сказано – сделано!

Посыпались звёзды золотым песком, или так показалось, картина взорам команды открывалась великолепная!

То ли оттого, что ни один огонёк с Земли не мешал пестреть звёздному «ковру», то ли от пространства открытого со всех сторон, как глазу, так и воображению, заоблачный пейзаж оживал неповторимо загадочными формами. Глядя на снежные «сугробы» облаков сверху, обитатели «летучего дома» были заморожены. В конце лета они, вдруг, попали в настоящую зиму!

– Предвзятость суждений, скользящих по словесной поверхности, на тему глубинной сущности, – начал изрекать изобретатель. – Приводит к тому, что образы, возникающие в подсознании при виде окружающей действительности, ограничиваются для большинства исключительно внешними критериями. Но нельзя забывать об истинности материи! Глядя на пред-

мет, лично я, прежде всего, вижу его химическую структуру. Причем, в моём мозгу рисуются не элементы таблицы Менделеева, в своём буквенно-знаковом значении, а именно расщеплённые на нейтроны и протоны атомы этих элементов. Химический состав облака просто идеален для перемещения в пространстве и времени! К сожалению, в моё время, как и в ваше, друзья мои, круговорот воды в школах изучали не на молекулярном уровне... а о таком понятии, как эфир, вообще не упоминалось.

Елена вздохнула.

Михаил, устав молчать, заговорил:

– В нашей деревне физику и химию одна бабулька вела. Она молнии боялась. Крестилась, когда гроза за окном гремела, и свет выключала. Мне, честно говоря, казалось, все эти атомы, молекулы, где-то там, далеко-далеко, и к нам не имеют никакого отношения. Теперь-то я вижу, и понимаю, какие мы все безграмотные слепые котята.

– Это хорошо, Миша, что ты видишь! Это уже первый шаг на пути к реализации твоего умственного потенциала! Кто знает, может быть, пройдут десятки, сотни, тысячи лет, и ты станешь новым Циолковским, Ньютоном или Тесла! И глядя на твой бюст в музее восковых фигур человечество, спасённое тобой от неминуемой деградации, скажет: «Большое тебе спасибо, Миша Ромашкин, от всего нашего дружного, симметричного коллектива!»

Михаил заулыбался: перспективы великого будущего всегда радуют душу, даже если это будущее и за тридевять веков.

Елена, склонив голову на плечо Михаила, уже спала. Заиндевелому холостяку, неизвестно почему, стало, вдруг, жаль будить, в общем-то, ни в чём не провинившуюся перед ним девушку, и, оттаяв временно душой, он позволил себе попросить Ключева отнести её, собственноручно, на кровать.

10

Знаменитый персонаж Артура Конан Дойла, Шерлок Холмс, даже не предполагал, насколько трудно бывает сыщику в реальной жизни!

Уже год и два месяца за экспериментами Прохора Ключева постоянно следил частный (а может и несчастный) детектив Фёдор Борзов, нанятый неким Сухаревым Сидором Сергеевичем, о котором никто ничего не знал, кроме единственно того, что человеком тот был скрытым.

Как обычно, в воскресенье, Фёдору требовалось сделать доклад своему нанимателю, а сообщить было нечего. Подслушивающее устройство, что он незаметно подложил Ключеву в портфель в поезде, затихло ещё в пятницу. Размышления Борзова были логичными, но бесполезными: «Происшествия, произошедшие за последние дни, говорили об участии в них одного и того же лица. Да, в последнем случае это лицо предстало перед многими свидетелями отдельно от туловища, но принадлежало оно, судя по всем описаниям, изобретателю Ключеву... Пожалуй, это всё, что я могу сегодня передать... Наверняка, „жучок“ уже замечен, растворен предприимчивым изобретателем в какой-нибудь кислоте, и использован в качестве подопытного материала. Что же нужно Сухареву от простого провинциального гения?» Последняя часть мысли частенько не давала ему покоя, но он сразу её прогонял с помощью другой части: «Профессиональному сыщику не положено знать то, что ему не положено знать!»

В назначенный час Фёдор вышел на связь. Тон Сидора Сергеевича был, как обычно, спокойным, холодным и твёрдым, отчего Борзову всегда представлялось, что разговаривает он не с человеком, а с клинком в ножнах.

– Здравствуйте, Фёдор Степанович, – поприветствовал Сухарев. – Что нового?

Этот вопрос был постоянным вопросом таинственного «охотника» за провинциальными изобретателями.

– Объект исчез, – сообщил без лишних прелюдий Фёдор. – Удалось узнать следующие загадочные обстоятельства: в ночь прибытия в посёлок Малый Просвет, он остановился у местного жителя Ромашкина М. И. На следующий день дом Ромашкина, вместе с изобретателем и хозяином дома испарился! Жители того посёлка на всю округу распускают слухи, будто в четверг утром видели, как по небу летела кровать. До этого, пара свидетелей наблюдала висящий в воздухе неопознанный объект, а ещё, поднимавшуюся в небо собачью будку вместе с собакой. Вчера, в соседнем посёлке, людям случилось увидеть ещё один полёт. Из продуктового магазина улетела касса. Директора магазина увезли на «скорой». Похоже он, на почве пережитого кошмара, потерял рассудок: бегал по всему посёлку за коровой и кричал: «Верни мою душу!» Бедная скотина второй день не даёт молока, а её хозяева обратились к местному участковому с заявлением о причинении корове морального, а им материального ущерба. Забавно, что касса, при странных обстоятельствах, вернулась на своё место.

– При каких обстоятельствах?

– Продавцы магазина слышали смех из неоткуда и видели голову (без намёка на тело), как они утверждают, самого дьявола. Так перепугались – ничего не могут толком объяснить. Проходим встретилась уже не голова, а одно косоглазое лицо, летящее вдоль дороги в сторону пролеска. Кое-кто рассказывает, что вначале пролетело тело, а следом – голова! Газеты пишут: «Массовое сумасшествие или атака инопланетян». Лично я уверен, это наш «подопечный».

– Не хотите ли Вы сказать, что он, наконец, задумал что-то стоящее? – в голосе Сухарева промелькнула еле заметная нотка надежды.

– Скорее всего, да. Но мой приёмник перестал улавливать сигналы, и теперь я не знаю, где искать нашего героя, – вздохнул несчастный детектив.

– Прислушайтесь к своему чутью. Насколько мне известно, оно никогда Вас не подводило. Поэтому Вы и работаете у меня. Денег на информацию не жалеете. Сообщите мне адрес почтового отделения, и я вышлю Вам, сколько понадобится. До связи.

По количеству съестных припасов, бесследно пропавших из магазина, можно было предположить, что изобретатель отправился куда-то очень далеко. Возможно, за море или за океан. Оставалось решить главный вопрос – зачем ему это?

Катер был уже на месте. «Мафия вопросы решает быстро!» – пронеслось в голове у Фёдора. Он давно не сомневался, что Сухарев связан крепкими (намного надёжнее, чем семейными) узами с преступным миром. За изобретателем, видимо, он начал наблюдать ещё задолго до того, как нанял частного детектива. Постоянно ускользающий из поля зрения, Клюев вызывал интерес у многих «сильных мира сего». Но, как только его деятельностью по-настоящему заинтересовался Сухарев, остальные претенденты на наживу за счёт научных открытий, уступили ветку первенства крупному конкуренту. Без преувеличения можно сказать, хотя никто ничего не знал об этом человеке, боялись его все. Он, конечно, мог бы, выйдя из тени и раскрыв свои карты, предложить Клюеву сотрудничать с собой, но правила его игры были, как ему казалось, безупречны! Ему хотелось, чтобы художник, в свободе полёта своего мышления, сотворил настоящее чудо, а он, наблюдая и упиваясь сознанием собственного величия, лелеял бы мысль, как придёт, отнимет и присвоит себе всё то, что должно достаться грядущему!

Все мы рождаемся нормальными, непорочными, чистыми в духовном смысле детьми. Потом, кто-то, у кого-то отбирает погремушку в песочнице, и зарождается в глубинах головного мозга скрытая обида, жажда мести, ненависть ко всему окружающему.

– Фёдор Степанович Борзов.– представился сыщик капитану катера – весёлому рыжеволосому парню.

– Очень приятно! – улыбнулся «морской волк». – А меня зовите просто – Василий!

11

Раннее утро разбудило обитателей «летучего дома» явным холодом и кислородной недостаточностью. Как ни старался биомодулятор, висевший на гвозде посреди дома – атмосферы в помещении не прибавлялось. Печка с холодом не справлялась. Солнечная батарея за ночь замёрзла так, что покрылась толстой ледяной коркой.

– Друзья мои, – сказал, в очередной раз, громко зевая, изобретатель. – Кто за то, чтобы умыться морской водицей, прошу поднять руки! – поглядев на Бима, он добавил. – И лапы!

Все согласились.

– Единогласно, – подтвердил Михаил, нажав кнопку пульта.

Через пять минут, наслаждаясь тёплым, насыщенным влагой воздухом, компания «астронавтов» уже умывалась морской водой.

Облака почти рассеялись. Солнце так и ласкало своими тёплыми лучами.

– Неплохой денёк, – воскликнул Ромашкин.

– Чудесный денёк! – согласилась Елена. – Не правда ли, Прохор Петрович?

Клюев уже никого не слышал. Его снова осенила одна из невероятных (но вполне осуществимых) идей.

– Итак, берём с десятков молекул водорода, – говорил он сам себе, бегая по кухне и гремя посудой. – Перемалываем в кофемолке. Теперь расщепляем всё это на нейтроны и протоны... Двух чайных ложечек, думаю, достаточно. Та-а-ак! Мелко нарезаем. Добавляем щепотку квантов. И ставим на средний резонанс. Ну, вот, – заключил он. – Яичница готова! Приглашаю на завтрак!

Почти весь день путешественники провели на веранде. Плавный полёт над волнами моря, небесная синь в отражении зелёной бездны – сказка!

– Три миллиона долларов за такое чудо – это не серьёзно, – сообщил, развалившийся в кресле, перенесённом на веранду, Михаил. – Этот домик стоит – пять миллионов, как минимум!

Елена широко раскрыла глаза. Клюев оторвал взгляд от барометра.

– Ты так думаешь? – спросил он.

– Я уверен в этом! Имея такой дом, не нужно тратить на курорты, на самолёты, корабли и прочую необходимость. Снаружи он не виден, значит, может пролететь незамеченным в любую точку Земного шара! Да... на каком расстоянии с помощью пульта можно управлять полётом?

– Примерно с километр...

– О, это ещё один плюс! Лежишь себе спокойно в дворцовых покоях, – Ромашкин, мечтательно, сощурил глаза и поднял брови. – Летающий дом-невидимка пасётся где-то на зелёном лугу, или стоит, молча, в ангаре, а захотел, нажал кнопку, и он тут как тут!

– Всё это не так, Миша. Во-первых, богатому человеку (способному выложить за раритет приличную сумму), имеющему личные самолёты, пароходы, автопарки и т. п., нет смысла приобретать для передвижения ещё и дом. Во-вторых, то, что он не виден глазу человека, совсем не значит, что он не виден также радиолокатору. А в-третьих... Где, кстати, Бим?

Михаил только сейчас заметил, что четвероногого друга весь день не было видно.

– Бим! Би-им! – позвал он.

Собака не отзывалась.

– Неужели он утонул? – подумала Елена.

– Не надо так думать! – запретил изобретатель. – Собака, не корова в стоге сена, отыщется.

Миша горестно покачал головой.

– Вокруг вода, а он плавать не умеет.

12

Прорезая волну за волной острым носом, катер, под управлением Васи, с детективом Борзовым на борту, целый день мутил морские воды. Результат был налицо – полное отсутствие, какого бы то ни было результата. В тот самый момент, когда Миша, Лена и Прохор искали пропавшего Бима, преследователи находились очень далеко от места нахождения «летучего дома».

– Глуши мотор! – скомандовал Борзов. – Уже голова от его шума раскалывается. Надо немного передохнуть. Заодно и перекусить.

Василий одобрительно кивнул и выключил двигатель. В обнаружившейся тишине, лениво облокотясь на волну, катер лёг в дрейф.

Рыжеволосый капитан открыл консервы, нарезал хлеб, и хотел отправиться в «кубрик» за чаем, но вдруг, его внимание привлек некий движущийся по воде предмет.

– Посмотрите! – окликнул он сыщика, указывая на воду.

Борзов посмотрел в направлении указанное капитаном.

С невероятной скоростью, прямо на них, по сине-зелёной волне мчалось чёрно-рыжее морское чудовище.

– Ничего себе, сюрпризы! – присвистнул озадаченный капитан.

Приглядевшись, Борзов распознал четыре лапы, хвост и лопахую голову чудовища.

– Это собака, – заключил сыщик. – Судя по причёске, похоже, из породы «дворовых».

– Но, она несётся прямо по воде!

Не предавая значения удивлению Василия, Борзов задумчиво ответил:

– Да, не исключено, что лапами, иногда, касается.

– Что вы этим хотите сказать?

– Только то, что мы на верном пути. Эта лохматая псина, я уверен, – подопытный «кролик» того рационализатора, которого нам приказано не упускать из поля зрения. Знать бы только, где это поле находится!

Почти не дотрагиваясь до воды, собака, заинтересованная Васиным катером, подбежала, легко перепрыгнула через борт и начала обнюхивать палубу. Обнаружив открытые банки консервированной тушёнки, она, радостно виляя хвостом, с собачьим аппетитом и понятным удовольствием, проглотила всё, что в них было. Помешать этому процессу Борзов Васе не разрешил. Когда процедура приёма пищи собакой успешно завершилась, сыщик аккуратно достал пневматический пистолет и, также аккуратно, выстрелил в бок собаке. Черно-рыжий барбос, почувствовав, что его что-то кольнуло, взвился в воздух, пару раз тьякнул и, перелетев через весь катер, в два – три прыжка оказался вне пределов видимости.

– И пули не боится! – поразился Василий.

– Эта пуля – внутримышечный радио-жучок. Собаке, как укус блохи, – пояснил Фёдор. – Теперь мы, возможно, раздобудем необходимую шефу информацию.

Настроив приёмник на определённую частоту, сыщик Фёдор Борзов стал терпеливо ждать первого сигнала.

В 19.58 по местному времени, в наушниках послышались еле различимые голоса. Настроив усилитель на полную мощность, Фёдор осветился улыбкой.

13

– Ну, и где же ты шлялся? – ругал Миша своего четвероногого «блудного сына». Я думал, ты уже утонул, и кормишь акул на дне морском, а ты... Совсем сухой!

– Миша, как тебе не стыдно, – вступилась Лена. Разве ты не знаешь, что акулы в этом море не водятся?

– С кем это они не водятся? С собаками что ли? Да, мало ли какие крокодилы с вами лично не водятся!.. Как только не утонул, бедолага?!

– По-моему, я знаю, в чём дело, – догадался Клюев. Выйдя на веранду, он осмотрел «верёвочную лестницу». – Так и есть. Бим утром разыгрался с её «корзиной» и прокусил коробку гравитонного стабилизатора. Вот, видите?

Ромашкин подозрительно взглянул на изобретателя. Взгляд его, как бы задавал вопрос: «уж не сам ли ты ставил эксперименты над моей собакой?»

– Ну, и что? – спросил он.

Клюев вскрыл коробку.

– Точно! Он проглотил стабилизатор вместе с микросхемой. Просто повезло, что ничего не случилось! Если бы они из него вышли – обычным способом, по зову природы – он бы тут же утонул! А если бы попали в чужие руки – вообще, беда!

– Но, как же он управлял механизмом, который был внутри него? – осведомился Миша.

– Я уже говорил, что собака, как, впрочем, и любой живой организм (но в гораздо меньшей степени, чем собака), является замечательным космическим термометром. Так, вот, точно так же она является ещё и хорошим приёмником и источником многих сигналов. Частоты, излучаемые Бимом, как выяснилось, не требуют вмешательства усилителя телепатических импульсов. Он, без задней мысли, вышел прогуляться по простору и, не боясь того, чего призывали бояться люди, побежал... Нет! – полетел над водой, думая, что бежит!

Через час – другой, естественный процесс жизнедеятельности пищеварения собачьего организма случился, и сомневаться в теориях изобретателя больше не приходилось. Гравитонный стабилизатор почти не пострадал. Пожёванную микросхему пришлось перепаять.

Успокоившись и помирившись с Леной, Бимом и Клюевым, Миша взялся, прямо через окно, удить рыбу. На его счастье, удочка, пролежавшая лет пять в чулане без дела, ещё не сгнила.

Елена принялась приводить в порядок свою комнату.

Клюев, сидя на веранде в кресле, вёл поучительную беседу с постепенно отходящим от шока Бимом – единственным (как он думал) слушателем:

– Нельзя так поступать с наукой! Хорошо, если тебя никто не видел! А если видел? Ты представляешь, глупая твоя голова, какая ответственность на нас лежит?! Попади антигравитатор в руки бандитов, и – пиши «пропало»! Тебе же в первую очередь и пришлось бы не сладко!

Бим поморщился и зачесал задней лапой свой бок, будто, наконец-то, добравшаяся до цели блоха больно врезалась в него зубами.

Эту ночь, всеобщим голосованием, решили провести, не поднимаясь от моря выше, чем на сто метров. Убаюкивающий шёпот волн благотворно влиял на ощущения гармонии во взаимодействии природы с человеком.

14

Самодовольный Борзов потирал руки. Всего сутки минуло с момента последнего разговора с шефом, а он уже, по воле случая, умудрился не только напасть на след изобретателя, но и записать парочку его диалогов с собакой на темы малоизученные простыми смертными. Сам детектив из этих диалогов понял только одно: с помощью творений Клюева, можно развернуть такую колоссальную деятельность, которая до сей поры преступному миру и не снилась!

– Вася, – обратился Борзов к капитану катера. – Держи курс юго-западнее, сигнал исходит оттуда.

Утро освежало ночные мысли.

План Борзова был прост: подобраться, как можно ближе к «объекту», прикинуться мирными лоботрясами-туристами и, втеревшись в доверие, подготовить необходимую почву для хитроумных замыслов Сидора Сергеевича.

Он прекрасно понимал, чем банальнее будет выглядеть, якобы случайная, встреча с Клюевым, тем больше шансов предоставить шефу положительные результаты своей сыскной работы. А потом – бурные аплодисменты, достойное вознаграждение и заслуженный отдых!

Ближе к полудню сигнал из приёмника сделался таким устойчивым, что источник должен был располагаться не более чем в трёхстах метрах. На это же указывал индикатор усилителя.

Фёдор и Василий просмотрели все глаза. Со всех сторон катера царило обыкновенное глубоководное спокойствие. Нигде не было видимых признаков присутствия иных представителей человеческой расы, кроме них самих.

– Неужели сигнал исходит из-под воды? – зародилось предположение в голове несчастного детектива.

– Как же это может быть? – спросил «морской волк».

– Не знаю. Надо проверить. У тебя есть акваланг?

– Есть. Один.

– Мне хватит. Неси!

Облачившись в водолазный костюм, Борзов «на всякий пожарный» спросил:

– Акул тут много?

– Да, что вы! Практически, нет!

– А на самом деле?

– Конечно, есть, – откровенно признался капитан. – И обе кусаются!

Осмыслив бессмысленное, аквалангист сиганул за борт. Увы, под водой было всё тихо. На пути пловцу встретились лишь стайка анчоусов, да молчаливый морской ёжик, у которого ничего не удалось разведать.

– Нету, – поведал он, вынырнув через полчаса.

– Кого, акул?

– Да каких акул?! Следов изобретателя нету! Надо искать... Надо искать...

15

Вися в воздухе, на высоте 75 метров над уровнем моря, команда «летающего дома» с интересом наблюдала, как внизу, на дрейфующем прямо под ними катере, о чём-то озабоченно толкуют два человека. Кто эти двое, и что они здесь делают, оставалось только догадываться.

– Если у них кончилось горючее, или вышел из строя двигатель, они здесь надолго застрянут, – заметил Клюев, отводя от глаз бинокль.

– Может быть и навсегда, – вставил Михаил.

– Посмотрим, чем они займутся. Если что... придётся помочь.

– И долго мы будем ждать, чем кончатся их дискуссии и когда они дадут нам понять, что у них всё так плохо? – вздохнул Михаил.

– Понимаю, нам нужно продолжать полёт к острову «бананового магната». Но я не могу оставить в беде людей, которым сам Бог велит мне помочь!

– Откуда ты догадался, что Он сам тебе велит?

– Очень просто! Они же попали в беду именно здесь. И мы ближе всего к ним находимся, – убедительно произнёс изобретатель.

Не совсем поняв философию Клюева (вернее – почти совсем не поняв), Ромашкин ощутил всё-таки логику в его словах и, молча, согласился.

Елена, перестирывавшая с утра всё, что можно было перестирать, завесила бельём всю веранду, и собралась открыть окно, чтобы быстрее просохло. Вовремя заметивший её намерения, Ключев вскочил со стула.

– Ни в коем случае! – запротестовал он. – Не забывайте, снаружи нашего дома человеческому глазу не видно. Солнечные лучи не отражаются от раствора, которым я обработал его сверху донизу. Но, если вы откроете окна, люди, находящиеся внизу, не смогут этого не заметить! Представляете, что они увидят?

– Они решат, что свихнулись, – засмеялся Миша.

– Вот именно, Миша. Когда люди, на фоне небесной пустоты, увидят открывшийся в иное измерение оконный проём, а в этом проёме Лену (в таком виде!), последствия для всех могут оказаться чрезвычайно неблагоприятными!

Тем временем, наконец-то, придумавший как поступить, сыщик попросил «морского волка» достать сигнальную ракету и выстрелить в воздух. Громкий хлопок потревожил бездонную тишину и, вскочив с подстилки, Бим звонко залаял.

– Ага! – воскликнул счастливый детектив, но тут же, перешёл на шёпот. – Обнаружились, голубчики!

«Собака, как я и предполагал, себя выдала, – размышлял Борзов. – Но не вполне. Лай вырвался из пустоты и в ней же растворился... Но откуда он мог доноситься? Из чего-то невидимого? Изобретатель в своих диалогах упоминал гравитацию... К тому же, летающая собака...»

Над морем снова нависла тишина. Медлить было нельзя. В голове сыщика моментально заварилось, закипело и забулькало, настоящее мысленное варенье. Целые батальоны мыслей налетали друг на друга. Ввязывались в бой. Превращаясь в клубок, катились по извилинам и вдребезги разбивались о твёрдость недопонимания физической стороны вопроса! Ещё секунда, и Борзов решил на импровизацию.

– Вася! – закричал он, собрав в кулак всё своё актёрское мастерство. – Вася, ты это слышал?! Что это было?

Снизив тон, он, почти шёпотом, подсказал:

– Притворяйся, что до смерти напуган. За нами следят.

– Конечно, слышал! закричал Вася. – Это – или морской чёрт, или я сошёл с ума!

– Нет, мой друг, сойти с ума одновременно два человека не могут!.. Кто тут?! – во всё горло, обратился он к пустому пространству. – Мы знаем, ты где-то рядом! Покажись!

– Да, покажись! Или ты хочешь сначала свести нас с ума, а потом уже посмеяться над нами?! – подхватил «обезумевший» Василий.

Сыщик прокричал ещё что-то невнятное и скрылся в кубрике. Быстро надев наушники, он услышал:

– Вот, видишь, Бим, что ты наделал?! Теперь – хочешь, не хочешь – придётся помогать этим заблудившимся рыбакам. Иначе, они решат, что помешались и помешаются на самом деле. А это было бы очень нехорошо с нашей стороны. Достижения науки нужны не для того, чтобы вредить людям. И так недавно переборщили...

Выбежав обратно на палубу, Борзов подмигнул:

– Продолжай в том же духе! Рыбка попалась на крючок.

16

Бывают люди добрые, бывают – злые, а ещё бывают – не те и не другие. Категорию последних можно обозначить нехитрым словом – хитрые. Доброта не всегда бесхитростна. Доказательством тому немало исторических и доисторических фактов, перечислять которые не имеет смысла, ибо эта повесть не исторический документ. Но беззлобна ли, сама по себе, хитрость?

Наверное, всё зависит от того, на чьей стороне эта хитрость в определённый момент находится. Безусловно, есть такие люди, которые хитрят, не особо задумываясь над понятиями добра и зла, а в силу своего природного, исключительного «дарования» – не просто нагло врать, а изощрённо пускаться на всякого рода ухищрения. Но, для многих людей это свойство является неотъемлемой частью профессии. Взять, к примеру, адвоката или детектива. Кому нужен прямолинейный адвокат, или прямолинейный сыщик?! Тавтология, но факт: быть изворотливым – прямая обязанность и того и другого. Настоящий сыщик на то и настоящий, чтобы уметь проявлять свои пронырливые способности в любом амплуа. В зависимости от ситуации, Борзову нередко приходилось «прикидываться». То пьяным болваном, то изысканным франтом, то банкиром, то дворником, то общественным деятелем, то честным семьянином, то похотливым бабником. Как-то раз, даже представителем сексуальных меньшинств... Но, как повести себя с изобретателем – человеком отдалённым, от обычной человеческой жизни?

Спокойный, но громкий голос, откуда-то сверху, внятно произнёс:

– Не пугайтесь, господа путешественники. С вами говорит не Бог и не дьявол. И даже не морское чудовище. Я – обыкновенный человек. Учёный. Постарайтесь понять, не кидайтесь в панику и не сходя моментально с ума. Вам просто повезло, что в это самое время мне вздумалось именно здесь проводить исследования человеческих и нечеловеческих возможностей. Со мной два ассистента и одна собака. Хотя мы и находимся рядом с вами, увидеть нас вы не сможете: мы спрятаны за стены, не отражающие солнечный свет, но отражающие всё окружающее. Если вам требуется помощь, мы вам поможем. Взамен вы должны будете пообещать, сохранить нашу встречу в тайне. Если у вас всё в порядке, мы просто улетим и больше вас не побеспокоим.

Чтобы изобретатель ничего не заподозрил, Фёдор продолжал играть свою роль – до полусмерти напуганного человека. Дрожа всем телом, дико озираясь по сторонам, он прохрипел не своим голосом:

– Что ты хочешь с нами сделать? Зачем мы тебе? Мы простые рыбаки, а не искатели сокровищ! – последнюю фразу он придумал на ходу, чтобы окончательно уверить Ключева в том, что они не те, кем являются на самом деле.

– Мы ничего плохого не сделали! – поддержал его старания Василий.

– Повторяю, не надо пугаться! Вас никто не съест! Более того, если у вас неисправен мотор, я вам его починю. Если нет бензина, отбуксирую ваш катер вместе с вами до ближайшего берега. В силу собственной порядочности, я надеюсь на вашу разумность.

Притворившись начинающими понимать непонятное явление голоса из ниоткуда, сыщик и капитан подняли головы, изобразили умные выражения на лицах и стали ждать продолжения вещания.

– Ну, что? – спросил Ключев через наспех сделанный громкоговоритель.

– Мы согласны! Согласны! – крикнули «потерпевшие».

– У нас с мотором всё в порядке, – быстро сообразил сообщить Борзов. – Бензин кончился. Не рассчитали по неопытности.

«Ёмкости с бензином никто проверять не станет, – пронеслось в его голове. – На то, чтобы нас отбуксировать к берегу понадобится время, а оно мне и нужно».

17

– Как ты собираешься им помочь? задал вопрос Михаил.

– Очень просто, – ответил Ключев. Мы подлетим к ним как можно ближе. Надев свой невидимый костюм, я, выйду через чердак, чтобы не открывать входную дверь, и спущусь по верёвке на катер.

– Тогда и верёвку лучше сделать невидимой, – предложил Миша.

– Логично, – согласился изобретатель. Лишь бы мне самому не потерять её. Этих морских бродяг мы предупредим, чтобы сидели смирно в кубрике. Вы с Леной меня подстрахуете. Я привяжу верёвку к носу катера и поднимусь по ней же обратно на чердак.

Приблизившись, насколько было возможно, к носу катера, невидимый под своим костюмом, Клюев выбрался на крышу «летающего дома».

«Верёвку следовало сперва привязать, а потом уже делать невидимой, – пришла к нему запоздалая мысль. Забавно, привязывать невидимую верёвку к невидимой печной трубе! Но ничего не поделаешь: лишних-то верёвок у нас нет».

Справившись, на ощупь, со своей непростой задачей, изобретатель, так же, на ощупь, принялся спускаться по невидимой верёвке с невидимой крыши. Так как и сам он был, даже самому себе, не виден, ощущения в нём поселились просто сказочно будоражащие.

Когда до катера оставалось, как говориться, рукой подать, верёвка, взяла, и кончилась.

«Ай-я-яй, – подумал Клюев. – Ещё бы чуть-чуть и страна лишилась бы одного из своих героев!»

Но юмор, не теряющийся даже в трудных ситуациях, задачу не упростил. Руки начинали ныть от напряжения. Оставалось только одно.

– Господа, – обратился, висящий в воздухе, в нескольких метрах от катера Прохор. – У вас не найдётся лишней верёвки?

– Имеется, – кивнул капитан и исчез в кубрике.

Через минуту он стоял на палубе, держа аккуратно смотанную бечёвку.

– И что делать дальше?

«Разумный вопрос, – подумал Клюев, понимая, как себя чувствует человек, разговаривая с голосом из пустоты. – Руки, того и гляди отцепятся. Ну и в глупое же положение я попал!»

– Подкиньте эту верёвку вверх, – произнёс он вслух. – Я её поймаю.

Василий повиновался. Пролетев в метре от изобретателя, верёвка, согласно естественным законам, направилась обратно вниз и обрушилась на голову сыщика. Почесав неприятно задетое ухо, Борзов стал собирать раскрутившийся моток. Капитан поспешил на помощь.

– Бросайте немного левее, – объяснил Клюев. – Я не поймал.

Вторая попытка оказалась успешнее первой. На этот раз, как увидели «морские бродяги», верёвка повисла в воздухе над их головами. Один её конец, казалось, с помощью волшебства, превратился в аккуратный узел, другой – опустился на палубу.

Клюев почувствовал, что сил висеть у него больше нет.

«Можно было бы попросить их самих привязать... а мне подняться обратно на крышу...»

Не успев додумать, но успев издать звук, похожий на тот, что издают, поскользнувшись на льду, падающие люди, Клюев свалился на палубу, между капитаном и сыщиком. Услышав крик и удар, они посмотрели друг на друга, прямо сквозь изобретателя. Клюев поднялся на ноги, помахал рукой перед глазами одного и другого и, убедившись что его не замечают, произнёс:

– А теперь, пожалуйста, пройдите на корму.

Сыщик сделал вид что засомневался:

– Вы даёте слово, не причинить вреда ни нам, ни катеру?

– Разумеется!

– Хорошо, – сказал Борзов и направился к корме. «Морской волк» последовал его примеру.

Наконец-то, справившись со всеми задачами, самим собою на себя возложенными, изобретатель облегчённо вздохнул. Минуту назад он, поднявшись по верёвке обратно на крышу,

спустился в чулан «летучего дома» и предстал перед его обитателями. Дав ему отдышаться, Ромашкин спросил:

– Можем начинать?

– Да, – сказал в ответ Клюев. – Только сначала предупредим тех, кто на катере.

Елена подала рупор и Прохор начал говорить:

– Уважаемые пассажиры, пройдите в помещение, задрайте люки, пристегните ремни безопасности, наденьте на всякий случай спасательные жилеты! Мы отправляемся.

Михаил ткнул пальцем в пульт. «Летучий дом» плавно начал скольжение по воздушному морю. Катер послушно потянулся за ним.

– Всё в порядке? – осведомился через некоторое время изобретатель, обращаясь к капитану, выглядывающему из кубрика (сыщик тем временем сосредоточился на наушниках).

– Всё в полном порядке! – кивнул Василий. – Нам уже можно выходить на палубу?

– Можно. Когда что-нибудь понадобится, я предупрежу.

Капитан понимал, тратить время на разговоры – вредить операции. Поэтому, поспешил откланяться, сославшись на морскую болезнь. Вдоволь посмеявшись над этой доброй шуткой, изобретатель отложил рупор в сторону и сел вместе со всеми за стол, обедать.

– Как замечательно всё складывается! – сообщил он радостным голосом. – Если бы ни эта история с беготнёй Бима и со спасением рыбаков (а вернее – охотников за удачей), мне бы так и не пришла, наверное, в голову одна интересная задумка. Когда я поднимался обратно на чердак – хотя мне и было известно, что на том конце невидимой верёвки находится невидимый дом – признаюсь вам, ощущения полной пустоты в свете открытого сквозного пространства и неведения собственной формы в этой пустоте, меня попросту шокировали! Тут-то и явилась эта самая задумка!

Изобретатель дохлебал без разбора всё, что было в тарелке, и продолжил:

– Не отражающий солнечных лучей, костюм, поглощающий притом сторонним квантовым потоком, сам по себе, конечно, хорош. Но, если снабдить его ещё, как этот дом, свойствами, способными противостоять притяжению, цены бы ему не было!

– О-о-о! – восхитился идеей Ромашкин. – Так, значит, всё-таки можно получить ещё раза в два больше денег!

– Нет, я не то имел в виду! Я хотел сказать, цены бы ему не было, как изобретению!

Елена покосилась на Михаила.

– А, что такого? Когда я останусь бездомным, – воскликнул тот. – Мне же нужно будет новое жильё ставить на прежнем месте! А потом... и свиноферму можно восстановить! Мужикам работу дать, зарплату нормальную. Кружок балльных танцев для детей и взрослых в клубе организовать (правда, сначала подремонтировать).

Клюев улыбнулся.

– Вот, всегда у нас так! Пустующей земли – не обойдёшь! А вековая привычка – ютятся в прабабкиной избушке, латать её, из поколения в поколение, всё передаётся и передаётся по наследству, вместе с дурными генами! И ведь, новые города можно выстроить за то время, и на те средства, которые тратятся на поддержание в пригодной (для убогого существования) форме... Эх, «прошлогодний снег»!

– Так мы почитаем наших предков! – уточнил Ромашкин.

Елена, хохотнув, поперхнулась, чуть не брызнула супом и закашлялась.

Михаил дружелюбно похлопал её по спине.

Клюев даже не обратил внимания.

– Я как-то предлагал главе нашей области план по развороту нового строительства на новом месте. В моём проекте не было ни одного дома в форме куба или прямоугольника – только полусферические, овальные и даже шарообразные! Над грандиозным макетом я бился полтора года к ряду! Не утвердили. Позаимствовали из всего проекта только навес над ули-

цей... Выдвинули в качестве мотивации наиглупейшую теорию: «круглый дом укатится с первым же ветром». Представляете! Они выставили меня со всеми моими расчетами за полного дурака! Понятное дело, построй мой безуглый город, эксплуатировать население было бы некому. Мои дома были безупречны, оснащены встроенными в стеклянные стены солнечными батареями и остальными коммуникациями. Увы, они совсем не нуждались в услугах жилищно-эксплуатационных контор. Поэтому в макете не оказалось ни одного ЖЕУ.

– Неужели придуманным Вами домам было совершенно не нужно профилактических работ? – не могла поверить Лена. – Они что, вечные?

– Нет, не вечные. Вечного, как известно, ни чего не бывает. Но, на пятьсот лет автоматического самообслуживания гарантию я бы дал. А это не мало.

– Как автоматического?! – остановив приём пищи, спросил заинтересованный Михаил.

– Трудно объяснить, но постараюсь. Материал для своих домов я разработал никогда раньше (как и теперь) в строительстве не используемый. Он обладает всеми требуемыми характеристиками. Воздух, попадая на его наружные стены, мало того, что проникает вовнутрь в желаемом человеку виде, так, при надобности, ещё и преобразуется в воду и подаётся нужным количеством прямым в домашний пищевблок! Протоны и нейтроны атомов воздуха, взаимодействуя при повороте Земли к Солнцу, с квантами светового излучения, превращают прозрачный изнутри материал круглого, безуглого дома в аккумулятор. Энергии такого аккумулятора с избытком хватает на все нужды жителей. Созданным мною энергосберегающим бытовым приборам много энергии и не требуется... Поэтому, современным троглодитам-бизнесменам такое «не по карману»!

Увлечённый своим «наболевшим», не замечая, как, притом, рьяно работая ложкой, доедает четвёртую порцию второго, Клюев продолжал:

– Вникнув в биологические свойства всех Земных материалов, я создал, из давно известных химических компонентов, нечто новое, чему сам поначалу очень удивился. Оказывается, если для самой нашей планеты материал является удобным, заряженным соответствующими электронами, планета его не отвергает! Так же, как кровь одного человека не отвергает крови другого при совпадении группы... И этот материал способен оставаться в неизменной форме практически бесконечно!

– Почему же, Вы даёте гарантию лишь на пятьсот лет? – поинтересовалась Елена.

– Только потому, что мои изобретения приспособлены под биополе нашей планеты как минимум на пятьсот лет. Биосфера – штука тонкая! Учёные, что явятся на Землю после нас, на наших начинаниях, разработают более совершенные приборы и научатся полностью взаимодействовать с природой. Они-то и примут на себя обязательства по внедрению новшеств в последующие пятьсот (или уже в тысячу) лет.

Уйдя «с головою» в свои наушники, сыщик Борзов внимательно следил, как производится запись на записывающее устройство.

Клюев налил себе чаю.

Бряцанье мешающей сахар ложки, отозвалось жутким свистом в ушах Борзова, чуть не оглушив его. Убавив усилитель, он выждал время, и опять стал постепенно прибавлять, пока не услышал знакомый голос изобретателя:

– Ответы на все вопросы заключаются в самой природе. Важно, точно сформулировав вопрос, взглянуть в землю, взглянуть в воду и воздух, и ответ покажется на поверхности. Природа ничего не скрывает, это люди не всегда могут увидеть хотя бы её основы. Бездушные, злые, алчные, не способны увидеть духовного, а устройство мира – дело, прежде всего духовное. Сперва требуется проникнуть в суть предмета называемого «любовь». Да-да, не слова из буквенных обозначений, а именно предмета! Так как данный «предмет» – первооснова любого значимого изобретения. Также нельзя забывать о том, что заложено внутри всякого организма изначально. Не зря, к примеру, сказано – «мы созданы по образу»! Стало быть,

и не должны становиться безобразными. Как действуют наши организмы, так можно заставить действовать любые механизмы, если правильно соединить все составные части.

Только изредка, почёсывающийся Бим, казалось, не пытаюсь вникнуть в суть клюевского рассказа, продолжал посапывать на своей подстилке. И снилось ему, естественно, как он, непонятно почему, порхает бабочкой над бескрайним морским волнением.

19

Что может быть приятнее, чем осознание того, что тебя везут, а ты умудряешься, с безобидным видом, обворовывать того, кто тебя везёт! Пусть даже не в прямом смысле. Хотя, кража настоящей мысли, возможно, превосходит любую кражу, так как мысль может обернуться в руках вора в оружие против всего человечества.

Фёдор Борзов был на седьмом небе от своей «величественной» хитрости. Человек, даже более-менее грамотный, каким, разумеется, считал себя Фёдор (и каким, надо признать, и являлся), склонен сравнивать себя с легендарными героями. Мифическими, историческими, литературными или рекламно-роликовыми. Борзов сам себе казался, если уж не Эрколеом Пуаро, по уровню своего интеллектуального развития, то мисс Марпл, как минимум!

Нет, на этот раз он не станет ждать воскресения. Информации накопилось с избытком. Пора было выходить на связь с «таинственной тенью» по фамилии Сухарев. Но не перехватит ли его сообщение Клюев? Это нужно как-нибудь выяснить.

Василий, работающий на Сидора Сергеевича не первый год, как и детектив Борзов, не имел привычки задавать лишних вопросов. Отличаясь самой заурядной внешностью, чему не мешали ярко-рыжие, коротко стриженные волосы, «морской волк» (как его, шутя, прозвал сам шеф) так хорошо умел вживаться в роль простачка, что никто и никогда не сомневался в его праведности. На самом деле, Вася был ещё тем прусаком! И если кому и уступал талантом скрывать своё истинное лицо, так только самому Сухареву. Мало того, что он получал хорошее жалованье от шефа, выполняя обычно пустяковые поручения (практически отдыхая на море), так у него было ещё и своё дельце. Доставая с морского дна всякую-всячину, он сбывал её туристам, для которых частенько устраивал однодневные круизы. Пассажирами его катера были только хорошо знакомые богачи с ближайших островов. Имея собственные прогулочные яхты, для «экзотических» целей они предпочитали сравнительно небольшой катер Василия. Наверное, он просто лучше других умел втираться в доверие. И доказывать, что нет такого человека, который, так же прекрасно как он, знал бы все затаенные уголки моря.

Ещё не понимая, можно ли извлечь пользу из обстоятельств, в которые он попал, «морской волк» уже начал задумываться о возможных перспективах. Нет, не о сухаревской (пусть и лакомой) «подачке» он думал. Его занимала идея извлечения крупного улова из знакомства с экспериментами изобретателя.

«Эх, – мечтательно думал он. – Если бы удалось заполучить то самое, что делает человека и предмет невидимым! Денег у меня в тайниках достаточно... А не попробовать ли выкупить (или, на худой конец, выкрасть) у изобретателя это „то самое“? Если оно не слишком больших размеров...»

– Сказочные ощущения! Не правда ли?! – обратился он к сидящему рядом с ним на палубе в соломенном кресле сыщику. – Никакого шума мотора! Только вспененная волна за кормой говорит о приличной скорости. Как будто сам Бог тянет нас на этой веревке, уходящей в небо!

– Ты тоже веришь в бога, подразумевая под ним милого бородатого дядю с добрыми глазами? – усмехнулся Фёдор.

Василий просто пожал плечами. Ему, по правде сказать, было безразлично, о чём трепаться – времени девать было некуда.

Борзов с умным видом продолжил:

– Никаких богов нет. Как нет ада, рая, чёрта, дьявола и прочей ахиinei. Помешанные на добре, правильные ребята тысячи лет подряд выдумывают эти байки для дураков, пытаюсь усмирить в них дух авантюризма. И сил никаких Высших нет. Есть физика, химия и точный расчёт. Доказательством тому хотя бы наш изобретатель, – подмигнув, сыщик понизил тон. – А что если бы и в самом деле использовать эту невидимость в качестве одурачивания народа?! Людьми и так можно управлять, как скотиной, а когда бы они услышали Глас «из поднебесья»... О-о-о! Они бы не сомневались, что началось второе пришествие!

Идея была забавная, но, хохоча над воображаемым людским помешательством, в головах у собеседников одновременно промелькнула одинаковая мысль: «для выживания из толпы денег задумка в принципе неплохая!»

К удивлению Борзова, Сухарев вышел на связь сам.

– Я всё знаю, – сообщил он. – Не будем тратить время на разъяснения. Продолжайте вашу экскурсию. На берегу вас встретят мои люди.

«Да-а, многое, вероятно, поставлено на карту, раз шеф так предусмотрителен и везде преуспел, – размышлял сыщик. – Откуда же он всё знает? И для чего ему тогда нужен я?» Смутные мысли нисколько не отразились на его, выражающем полное спокойствие лице. Он отошёл от оконного проёма, сел за приёмник и снова надел наушники.

20

– Осталось дело за малым, – веселился изобретатель, глядя на гравитонный стабилизатор пришитый Леной к невидимому костюму. Снабдить радиоволновой сигнализацией, на случай утери, и покрасить сверху моим «невидимым» раствором. Теперь вся эта конструкция будет работать беспроводным образом, напрямую взаимодействуя с теми участками тела, которые активнее других могут использовать внутреннюю электроэнергию!

Аккуратно сложив костюм в полиэтиленовый пакет (отчего пакет показался вздутым, но пустым), Клюев спрятал свою новую выдумку в свой портфель, а портфель задвинул под стол.

– Испытания проводить не имеет смысла, пояснил он. – Я и так знаю – всё работает! При первой же необходимости вы в этом убедитесь.

Миша, которому уже надоело прогуливаться из угла в угол, вышел через веранду в чулан, а оттуда на чердак. Открыв люк и выбравшись на крышу, он чуть было не вскрикнул. Разумеется, под собой он увидел не шифер собственной крыши и не внутреннее «убранство» своего жилища, а синее-зелёное бездонное море (с высоты пятиэтажного дома). Поначалу ему очень захотелось вернуться в дом, но свежий воздух и открывшийся простор перебороли его робость. Михаил протянул к морю руку и упёрся пальцами в прохладный, шершавый на ощупь, материал, которым была «выкрашена» вся крыша. Было такое чувство, что она зеркальная, но отражает почему-то не то, что находится спереди неё, а то, что находится за ней и немного сбоку от дома. Прижавшись спиной к воображаемому шиферу, Михаил залюбовался небом. Два глупеньких облака строили друг другу забавные пушистые гримасы. Почти не было ветра. И всё-таки... Прозвучал дурацкий хлопок: люк, ведущий на чердак, захлопнулся!

Миша помнил, что от люка он находился не больше чем в двух метрах. Только где теперь его искать, когда ничего (кроме моря далеко внизу) вдруг не стало видно?

«Ну, я и балбес, – тут же поругал себя мысленно Ромашкин. – Не догадался чем-нибудь подпереть!»

Конечно, покатошь крыши пыталась сказать о том, что выход (или вход?) скорее слева от Миши, чем справа, но, полной уверенности быть не могло. В отсутствии видимости крыши

и присутствии перед глазами пустого пространства, правильно сориентироваться было практически невозможно.

Несколько минут, чтобы сосредоточиться, Михаил пролежал с зажмуренными глазами, плотно прижавшись к невидимому шиферу. Потом осторожно пополз в сторону предполагаемого исчезнувшего проёма. Сказать, что ему было страшно, значит, – не сказать ничего. Но уж лучше не сказать ничего, чем сказать неправду! Когда, в очередную минуту, Мишина голова упёрлась в невидимую стену, он чуть не потерял сознание.

«Тьфу ты! Это же обыкновенная печная труба, – вспомнил Ромашкин архитектуру собственной лачуги. – Всё правильно, люк должен быть немного выше».

Если бы кто-то видел это мистическое зрелище, этот кто-то, без сомнения, решил бы, что сумасшедший актёр-мим репетирует свой номер.

Шаря пальцами вокруг себя, убеждаясь в том, что движется в нужном направлении, Миша, не быстрее сухопутной черепахи, перемещался к входу на чердак. Вот уже его нога упёрлась в основание трубы, наконец-то, ручка дверцы была нащупана, и тут... Случилось невероятное! Люк сам собой откинулся, и оттуда выглянула чёрно-рыжая башка! Что может быть неожиданнее, если нервы напряжены до предела? Разве мог Миша успеть сообразить, что на его поиски уже отправились, и что Бим был первым, кто по запаху выследил своего хозяина?! Вздрыгнув всем телом от внезапного появления «башки из ниоткуда», Михаил заскользил по крыше. Попытка удержаться за трубу оказалась неудачной. Дикий крик разнёсся над относительной тишиной моря, и Ромашкин полетел навстречу взволнованной бездне. Высоты, на которой находился на тот момент «летающий дом», было достаточно, если уж не на то, чтобы разбиться насмерть, то, по крайней мере, на то, чтобы отбить себе все существующие органы (и в первую очередь детородные).

Судьба – есть судьба. И кому не суждено стать инвалидом, тому так и придётся всю жизнь оставаться здоровым человеком.

Траектория Мишиного полёта как раз пришлась по диагонали невидимой связи катера с трубой «летучего дома». Проскользив по этой натянутой связи, горе-путешественник, каким-то чудом, угодил одной ногой в образовавшуюся невидимую петлю и повис метрах в десяти от катера. Теперь ему стало по-настоящему жутко.

«По-моему меня сейчас вырвет прямо на этих двоих!» – простонал мысленно, висящий вниз головой Миша. Он старался ухватиться за невидимую верёвку, ориентируясь по её видимой части, ведущей к катеру, но ничего не получалось.

– Прыгай в воду! – крикнул один из двоих, находящихся в катере. – Мы тебя перехватим!

– Бросаем круг! – крикнул второй, и бросил спасательный круг привязанный к борту.

Ромашкин раскачался, подёргал ногой и, жертвуя старым домашним полуботинком, плюхнулся в прохладную, солёную воду.

21

– Вы, наверное, и есть ассистент учёного, который вызвался нам помочь? спросил сыщик, искренне радуясь встрече с одним из друзей изобретателя.

– Да, так и есть, – дрожащими губами ответил Михаил.

– Неужели вы пали жертвой научных экспериментов? испугано поинтересовался капитан.

– Нет, что вы! Я пал жертвой собственной глупости, – заверил «ассистент».

Не находя, чем мотивировать своё падение, он добавил:

Мне не следовало без подстраховки проводить опыты.

– Вы проводили опыты? – Борзов глупо улыбался. – Нам с другом ещё не доводилось встречаться с настоящими учёными. На нашем полуострове, какого только сброда нет, а учё-

ные – большая редкость. Будем знакомы? – Борзов протянул руку. – Болонкин Дмитрий Борисович.

– Васильков, – не мешкая, отозвался Михаил, пожимая протянутую руку. – Виктор Макарович.

– А меня зовите просто – Гриша, – усмехнулся Василий.

Так (инкогнито) и познакомились.

– Откуда же там можно выпасть? – Борзов вглядывался в небо, но ничего (кроме неба) не видел. – У вас там, наверное, невидимый НЛО?

– Что-то вроде того, – уклонился от прямого ответа Васильков-Ромашкин. – А вы много рыбы наловили?

Вопрос застал «рыбаков» врасплох, но капитан, быстро сообразив, отмахнулся:

– Что поймали – сразу в суп: дрейфовали две недели. Если бы не вы, мы бы, наверное, ещё чуть-чуть и друг друга сожрали, как у Эдгара По, помните?!

– Гришка шутит! – хохотнул сыщик. – На самом деле у нас ещё осталось несколько баночек тушёнки, сухофрукты и даже кофе! Не желаете чашечку?

– С удовольствием! – согласился Миша, выжимая мокрую рубашку.

Борзов отправился в «кают-компанию» за кофе, а капитан продолжил задавать глупые вопросы, в надежде разведать побольше ценной информации (не столько для пользы общего дела, сколько для собственной).

– Море, море... Да, здесь на безлюдном просторе самое место испытывать изобретения! Надеюсь, ваши опыты не повредят морским обитателям?

– Нет, – не задумываясь, ответил «ассистент». Мы, наоборот, экологию всячески поддерживаем...

На этом разговор был удивительным образом прерван.

Миша, стоя с недовыжатой рубашкой в руках, вдруг, стал медленно подниматься вверх. Всё выше и выше. Дурацкая улыбка растянула его лицо. Часть туловища внезапно сделалась полупрозрачной. В таком состоянии он поднялся метров на пятнадцать над катером и моментально исчез, как будто уйдя из кадра.

– А где же наш гость? – спросил Борзов, выйдя на палубу с кофейником и тремя чашками. Василий вздохнул и указал пальцем в небо.

– Там. Улетел в свою лабораторию.

– Сам собой?

Приняв от сыщика чашечку кофе, «морской волк» пожал плечами.

– Кроме него никого не было видно. Да и сам-то он постепенно растаял. Чудеса!

– Наука! – подправил сыщик. – Любое чудо – наука. Это не я придумал. Ну, ничего! Берег не за горами. Завтра или послезавтра многие чудеса объяснятся. А там и отдохнем, как следует!

Клюев снял с себя «невидимый костюм», убрал его на прежнее место и повернулся к Михаилу. Судя по виду, Ромашкину было всё-таки стыдно.

– Как водичка? – спросил изобретатель.

– Холодная, – пробурчал, шмыгая носом, несостоявшийся утопленник.

– Я, наверное, сам виноват, – начал в своей философской манере Клюев. – Следовало предупредить вас о возможных неприятностях связанных с невидимостью. Можно разбить голову, наткнувшись на предмет, которого как бы нет, но, который попросту не виден.

– Как прозрачное стекло? – перебила Лена.

– Нет, Елена, не прозрачное, а именно не виденное органам человеческого зрения. Таких предметов, вообще, на Земле очень много. Все они имеют разную плотность и форму (не в нашем понимании, конечно). И то, что мы их не видим, разумеется, не говорит о том, что их не существует.

Миша почесал затылок. Подбежавший Бим лизнул его мокрую штанину, поморщился, фыркнул и громко чихнул.

Лена засмеялась. Михаил, с которого продолжала стекать вода, глядя попеременно на Лену, на Бима и на взерошенного Клюева, тоже ощутил подступающую волну смеха. Его глупое положение обязывало отшутиться.

– Видела бы ты лицо этого рыбака! – сообщил он девушке и захохотал. – Когда невидимый Прохор поднимал меня с катера, этот Гриша (тот, который рыжий) так разинул своё зевало, что пролетай мимо самолёт, его бы запросто туда затянуло!

Вспомнив лицо рыжего парня, Клюев тоже поймал себя на мысли, что лицо это действительно выглядело очень забавным. Рассмеявшись, он забыл о дальнейшем продолжении нравоучительной беседы.

«Летающий дом» мчался с прежней скоростью в сторону ближайшего берега. К счастью, расстояние до острова «бананового магната» вопреки всему ощутимо сокращалось.

22

Утро следующего дня началось с радостного вопля бывшей продавщицы Лены:

– Земля-я-я! Земля-я-я!

Забыв про осторожность, кричала она в открытую форточку и разбудила не только обитателей «летучего», но и «рыбаков» с катера.

– Итак, мой друг, – зевнул сыщик. – Второй ассистент нашего изобретателя – баба.

– Вдобавок визгливая! – подтвердил Василий.

– Терпеть не могу визгливых женщин. Они очень чувствительно ко всему относятся. С поводом или без, могут в равной степени заливаться либо смехом, либо слезами.

Капитан по обыкновению пожал плечами.

– А по мне, все они такие. Просто некоторые из них хорошо умеют маскироваться (до поры до времени, конечно) под более-менее нормальных.

– Не скажи!

– А что и говорить?! возмутился Вася. – Моя четвёртая «половинка»...

– Как четвёртая «половинка»? не понял Борзов.

– Ну, так говорят, жена – «половинка» (на самом-то деле и близко нет!) ... Так вот, моя четвёртая жена отличалась от первой только тем, что имела каштановый, а не русый цвет волос и грудь на полтора размера больше. В целом же это была такая же... яркая представительница слабоумного пола, со съехавшей крышей, мечтающая быть «за мужем, как за каменной стеной».

– Выходит, сейчас ты живёшь уже с пятой? усмехнулся сыщик.

– Нет. Сейчас я встречаюсь со своей второй. И, что интересно, она тоже разошлась со своим четвёртым.

– И она исключение?

– Какое там! Она обыкновенная ненормальная, но уже поумневшая настолько, что с ней (чаще, чем с другими подобными) можно коротать ночи без ущерба для нервной системы.

Борзов имел немного иную точку зрения, но спорить не стал: повод-то пустяковый.

Ромашкин, взгляды в даль, силился проморгаться.

– Земля-я! Земля-я! – передразнил он Лену.

Ночью на него что-то нашло. В голову лезли разнохарактерные мысли. Наверное, так бывает с людьми, испытавшими накануне шок. Он не спал. Сидел у открытого окна. Долго смотрел на луну. Потом вдруг понял, что это месяц. И даже пытался писать музыку (мысленно, конечно), но ничего не получилось.

– Это и есть тот самый остров? – спросил Миша у изобретателя.

– Нет – только один из немногих на пути к нему. Но по расстоянию и времени до пункта нашего назначения лететь осталось совсем не долго.

Берег уже принимал типичные очертания берега. Из туманной дымки проявились его голубоватые гористые выпуклости с зеленоватым налётом леса, тёмно бурые валуны, зелёнеющие луга и озёра. Вскоре пастельные тона переросли в более яркие, из-за деревьев показались крыши «прибрежных» строений, ласково поблескивающие на утреннем солнце.

– Красиво! – восхитилась Елена. – Хотя у нас в деревне тоже очень красиво, но тут... как на картинке!

– Чем и прекрасен рассвет, – уточнил изобретатель. – Так тем, что фотон (как вам известно, в переводе с древнегреческого означает – свет), пролетая сквозь озон Земли, и следуя дальше – вглубь галактики, не задерживается на Земле и не отражается от неё, как в полдень. Это говорит о том, что скорость света не вступает в противоборство со своим отражением, поэтому, вносит во всё земное положительную энергетику. В наше время многие слова до того затаскали, что применяют чаще всего не там, где следует. Ну, да Бог с ним. Фотон ласкает Землю по утрам! Своей энергией он насыщает нас на целый день. – Точно! – согласился, внимательно слушающий Ромашкин. – Отсюда и поговорка: «Кто рано встаёт, тому Бог даёт».

– Верно подмечено, Миша! В поговорках веками скапливается людская мудрость, но... Человек ещё та скотина! Всё по-настоящему великое ему кажется обыкновенным, банальным, не интересным, а стоит облечь то же самое в научные термины (которые, кстати, являются, просто, исконно-корневыми словами) – вообще покажется малопонятным! Тысячелетиями учёные, мыслители, писатели и просто хорошие люди доказывают друг другу и всем остальным, что чёрное это чёрное, белое это белое, а чёрно-белое это чёрно-белое! Вполне возможно, через пару веков напишут и о нас с вами. Будущее уходит в историю. Но, что это прибавляет? Мира в мире и взаимосогласия, как не было, так и нет. У нас ведь как? Личность тогда только Личность, когда у неё есть наличность, а когда у неё нет наличности – недалеко и до неприличности.

– Хм! Это ты здорово сказал! – похвалил Миша. – Подожди, я запишу на бумажку. Глядишь, когда-нибудь тоже поговоркой станет!

Найдя недогрызенную Бимом авторучку, юный «собиратель мудрости», уподобясь Великому Далю, записал на тетрадном листке будущую поговорку.

Видимо, изрядно перебрав приёмником своего точно настроенного мозга утренних фотонов, Клюев разгорячился:

– Есть такие величайшие произведения искусства, о которых можно говорить, говорить и говорить, но не сказать и слова. К примеру? Квадрат Малевича можно рассматривать часами, но не увидеть ровным счётом ничего! Не прочувствовав глубокой печали авангардиста, искусствоведы тупо восхищаются оригинальностью его работы... Банально, но факт! Не нужно быть основоположником идеи квантовой динамики, чтобы знать – чёрный цвет (в данном случае, квадрата Малевича) лучше любых других цветов поглощает солнечный свет, практически не отражая его. Следовательно, является приёмником волн фотона. Вот вам и вся правда о «Чёрном квадрате»: Казимир Северинович изобразил самую обыкновенную, примитивную (можно сказать, первую) солнечную батарею! Отсюда и энергетическое, магнитное поле, притягивающее к ней истинных ценителей такой прекрасной культуры, как физика!

Остановив «летающий дом» в ста метрах от берега, изобретатель Клюев снова «нарядился» в невидимый костюм и незаметно улетел отвязывать катер от дома.

Почувствовав прекращение движения «рыбаки» подняли головы к воображаемой лаборатории.

– Приехали? – задал один из них вопрос в пустоту.

Клюев как раз находился на носу катера и спокойно отвязывал верёвку. Посмеиваясь в душе над задравшими головы людьми, он спокойным тихим голосом произнёс:

– Да. Вы на месте. А нам ещё ехать и ехать.

23

«Где же ты, шеф?» – спрашивал мысленно Борзов.

Капитан, поняв, что прибыль ускользает, откровенно расстроился. Но, не подавая виду, по привычке играя роль добряка, улыбаясь, принялся вслух благодарить невидимые силы, доставившие его катер к берегу.

Сыщику Борзову не оставалось ничего другого, как, бросив всё, закрыться в кубрике и пытаться выйти на связь с Сидором Сергеевичем. Но было уже поздно...

Десятью минутами раньше в зелёной воде промелькнула тень водолаза. Этот водолаз подплыл к носу катера в тот самый момент, когда Клюев, отвязав верёвку, попрощался с мнимыми рыбаками. По полученному от далёкого наблюдателя сигналу, об открытии и закрытии люка «невидимого объекта», водолаз ухватился за конец верёвки, мотающейся над катером. Со сноровкой хорошо подготовленного спортсмена, он так быстро добрался до невидимой трубы, что капитан катера этого даже не заметил. Уже позже Василий, с удивлением, обнаружил маску, ласты и акваланг, оставленные неизвестным на палубе. Осторожно передвигаясь, водолаз нащупал люк и проник на чердак «летучего дома».

От берега в сторону катера направилась лодка. В лодке находился один пассажир и два гребца.

Расположившись на кухне, Клюев и его товарищи собирались приступить к обеду.

– Успеем, успеем! – уверял изобретатель Михаила, жаждущего продолжить путь. – Посмотри, какое тихое, сказочное местечко! После обеда предлагаю слетать на берег и запастись пресной водой. Правда, уважаемый Бим, во избежание бегства от хозяина, должен будет остаться охранять дом.

Бим залаял и подбежал к закрытой кухонной двери, выводящей на веранду.

– Всё понимает, – посочувствовал Михаил своему питомцу. – Ничего, ничего! Мы, Бимка, с тобой ещё нагуляемся вдоволь по родному простору!

Ромашкин подошёл к любимому барбосу. Глядя по лохматой шерсти, попытался его успокоить. Но Бим всё равно продолжал лаять.

– На цепь посажу! – пригрозил хозяин.

Пёс замолчал, упёрся лапами в дверь и стал её толкать. Когда ему, наконец, удалось справиться со своей нелёгкой задачей, он, кубарем, выкатившись на веранду, рванулся в сторону чулана и стал облаивать лестницу, ведущую на чердак. Подойдя к лестнице, Михаил и Прохор увидели, на что так отчаянно лаял их четвероногий друг. Дверца, выводящая на чердак, была открыта и оттуда, наставив пистолет на Бима, смотрел какой-то человек в тёмном водолазном костюме и маске с прорезью для глаз.

– Уберите собаку, или я её пристрелю! – приказал неизвестный.

Бима насилу оттащили от лестницы и закрыли в комнате кухни вместе с Леной, подперев дверь креслом. Спустившись с чердака, неизвестный, не отводя дула от живых мишеней Миши и Клюева прошёл к входной двери и открыл её настежь.

– С одним из вас хочет пообщаться мой шеф, – донёсся голос из-под маски.

Верёвочная лестница была сброшена. Через две минуты на веранде оказался невысокий, бледный человек средних лет в строгом костюме. На его начинающей сидеть голове покоилась широкополая соломенная шляпа, надёжно скрывающая лицо от солнца и посторонних взглядов.

– Ты свободен, – бросил он водолазу стальным голосом, не очень-то вяжущимся с его видом. Жди на катере.

Водолаз послушно удалился. Гость, с видом хозяина, сам предложил пройти в комнату. Бим, залааяв, набросился на сомнительную личность.

– Я не люблю собак, – сообщил посетитель.

Ромашкин, нехотя, оттащил рычащего Бима в другую комнату.

– Здравствуй, Прохор Петрович! – произнёс человек в соломенной шляпе, не сомневаясь, кто из людей, находящихся перед ним Клюев. – Не удивляйся, мы давно знакомы, поэтому, я сразу на «ты».

Клюев сразу на «ты» не умел.

– Здравствуйте! – ответил он спокойно и указал на стул. – Присаживайтесь, раз пришли.

Кто вы и зачем пожаловали?

Улыбнувшись, гость достал и раскурил сигару.

– Будем говорить при них? – спросил он у Клюева, указав на Мишу с Леной.

– Будем! – отрезал Клюев. – Они мои друзья и помощники.

– Меня зовут Сидор Сергеевич, – начал гость, вытягивая из сигары горячий дым и выпуская его в воздух уже остуженным. – Фамилия моя Сухарев. Разумеется, ты не мог не слышать обо мне.

Лена и Миша переглянулись. Сухарев, не обращая на них никакого внимания, продолжал обращаться непосредственно к Клюеву:

– Я твой тайный (можно сказать, злой) гений! Почти с твоего рождения, я подталкиваю твою жизнь, как и других умельцев, таким образом, чтобы ты был вынужден генерировать новые, нужные мне идеи.

Клюев с сомнением посмотрел на «злого гения», усмехнулся, и напомнил:

– Не забывайте, однажды я изобрёл приёмник честности!

Сухарев поморщился.

– Я никогда не вру больше одного раза за день! А это – второй раз, и значит, это правда!

24

Выпустив изо рта клуб едкого дыма, немного полюбовавшись на его рассеивающееся облако, Сухарев подошёл к окну и выбросил в море недокуренную сигару.

– Всё, что мне от тебя нужно, – продолжил он своё «откровение». – Это твои антигравитоны – так ты их называешь? – и средство, которое делает видимое – невидимым. У меня большие возможности. Не хватает только этих ма-аленьких дополнений!

– Можно поинтересоваться, зачем? – Клюев догадывался, ответ честным не будет.

– Можно, – улыбка Сухарева сделалась ещё ядовитее. – Мне незачем от тебя скрывать, что на свете имеется немало разных грузов. Разумеется, ценных. Иногда, даже очень ценных! Живых или неживых. К примеру: бронированные банковские сейфы; золотые запасы в слитках, вагоны ценных камней и металлов; крупнорогатый скот; и даже люди – от рабов до президентов! Так вот, мне кажется, я бы лучше любого снабженца мог справиться с их незаметной транспортировкой, в такое место, где они будут под моей надёжной опекой! Ха-ха-ха-ха-ха!

На фоне всеобщего безмолвия, безумный хохот Сухарева подействовал на всех злоеще. Однако изобретатель не обратил внимания.

– Как же это скучно, – произнёс он. – Знаете, я ведь тоже, когда-то в далёком детстве, считал себя великаном, но потом понял, если ты и насмотрелся мультиков, это ещё не значит, что ты самый умный!

– Я знаю, где и что «плохо лежит», – уверял Сидор Сергеевич. – И знаю где должно лежать, как положено! Всего лишь парочка твоих изобретений, и уже завтра ты будешь сказочно богат!

– С философской точки зрения, невозможно доказать, что завтра будет завтрашний, а не сегодняшний день. Честно говоря, лично я не вижу на небе никаких цифр поутру. Ну да, вращается планета, так, что же с того? По-вашему, она наматывает дни, как спидометр километры? Всё наше время и летоисчисление всего лишь – абстрактная картина нашей фантазии, разумеется, первоначально изображённая для пользы дела. Но, во что мы это превратили? Что встаёт в нашем подсознании при упоминании слова «время»? Какой предмет? Циферблат, календарь, поговорка «время деньги, потехе – час». И всё! Никакого реального подтверждения существования этой «станции», если не считать изменений в зеркальном отражении (что, скорее, является доказательством естественного круговорота жизни в природе, а не времени, как природного механизма). И что значит – «богат»? Богатство, тем или иным образом вытянутое из общества в пользу одного из членов этого самого общества, богатством на самом деле только называется (даже тем же обделённым обществом). А другими словами это называется погоня за детскими игрушками. Скупость, жадность, алчность. Проще говоря, баловство (или воровство).

– Ты сам-то, понял что сказал? – спросил Сухарев.

– Мы с вами говорим на разных языках. Вы – так, как учили ограниченные в естествознании люди (не обижайтесь, это не только ваша беда, но и всего человечества), а я говорю – как есть на самом деле.

Поднявшись из-за стола, изобретатель вышел на веранду, открыл окно и стал смотреть на необъятную земную красоту. «Злой гений» последовал его примеру.

Конечно, по своей сути, в сравнении с Прохором Ключевым, Сухарев был примитивен, грубоват и туповат. Но, на взгляд самого Сухарева, в этом и заключалась настоящая мудрость.

– Ты всерьёз думаешь, что ты такой умный, потому, что таким уродился? Потому, что с детства рвался познать тайны науки? – откровенно удивлялся Сухарев. – Как бы ни так! Нет! И ещё тысячу раз – нет, нет и нет! Ты такой, только потому, что тебе позволили быть таким. Запомни, копить воздух на этой Земле тебе разрешили – лично я, и такие, как я. Чтобы, в конце концов, использовать в своих – далеко не мирных – целях.

– Хотите сказать, вы и есть хозяева жизни? – поинтересовался изобретатель. – И всё вокруг подчиненно только вам?

– Можешь не сомневаться! В любую секунду нам под силу сравнить с землёй эту Землю.

– Ну, тогда и сравнивать было бы уже не с чем... И зачем это вам?

– Я хочу подняться выше всех. Даже выше тех, кто сейчас на одном со мной уровне. Тогда весь мир будет ползать у моих ног и подбирать подачки, которые я буду бросать ему, как собаке, не из чувства жалости, а затем, чтобы вдоволь посмеяться над его ничтожностью!

Глаза Сухарева загорелись от вдруг вспыхнувшего в нём таланта «красноречия». Было видно, что, в своих мыслях, он давно уже поставил себя выше всего человечества (хотя и давился горькой чёрной завистью при упоминании о самых простых, недоступных ему, человеческих радостях).

– Зачем же вам нужно держать на свободе столько мудрецов, философов, вольнодумцев? Вы не боитесь?

– Они же на свободе, чего же бояться?! Хотя, если честно, какая свобода может быть на нашей круглой планете?! И забора не надо – никуда не сбежишь! Работали бы вы из-под палки, вас терзала бы жажда вольной жизни. Мешала бы работать на полную мощность. А так, вы всегда под присмотром, и дело делаете. И хорошее дело! Учёные, писатели, композиторы, учителя – все, как и задумано нами, из поколения в поколение, засоряют головы великими понятиями. Народ, честь, человечество, государство, гуманизм, любовь, доброта, порядочность. За счёт этих пустых звуков, такие люди как я всю жизнь наживаются на тёмной необразованности стадно-пасущихся масс и патриотически-настроенных дураков! Рабу не к чему знать, что он раб, иначе, игра будет глупой, открытой, не азартной.

Презрительная улыбка искажала лицо Сидора Сергеевича. Его глубоко сидящая ненависть выплеснулась, наконец, наружу. Маска холодного равнодушия ко всем жизненным тонкостям превратилась в истинное лицо. И лицо это было намного уродливее маски.

– Хорошо, – сказал Клюев, повернувшись к Сухареву. – Возможности науки в моих руках безграничны. И при желании, я бы мог в одночасье создать такую машину, которая, по типу радиостанции, выпуская целенаправленную ультразвуковую волну, могла бы управлять мыслями миллионов людей одновременно. И вашими в том числе. Но я никогда этого не сделаю. Даже под страхом смерти! Ваше желание не столь опасно для человечества и, поэтому, если вы так хотите быть выше всех... Пусть будет по-вашему! Есть у нас такая кнопка Синяя

Изобретатель быстро подошёл к «злому гению», набросил ему на шею, неизвестно откуда взявшуюся петлю, с привязанным к ней антигравитатором, и скомандовал:

– Миша, жми!

В ту же секунду, не успевший опомниться, Сидор Сергеевич подлетел вверх и, наверняка, здорово ударившись головой, пробил шиферную крышу веранды. Ноги его на мгновение застряли, зацепившись туфлями за балку, но, в следующую долю секунды, давление воздуха, согласно закону Архимеда (основанному на центробежной силе), вытеснило его обезвешенное тело. Из местного пространства и времени он подался в самые отдалённые слои атмосферы.

– Петля, похоже, хорошо приглушила его голос, – подумал вслух Клюев.

– Поэтому, улетаю от ненавистной ему планеты в открытое космическое пространство, он и не смог нам пожелать ничего доброго! – продолжил Ромашкин.

– Значит, он погибнет? – спросила Елена.

Изобретатель посмотрел на часы, выждал, когда пройдёт пять секунд, потом ещё пять.

– Думаю, пора включать гравитонный стабилизатор, – произнёс он печально. – Как бы ни хотелось избавить Землю от подобной нечисти, но мы не имеем права брать на себя роль судей. Надеюсь, он успел ощутить всю прелесть полного одиночества в безлюдном пространстве, и теперь поймёт, что выше Творца можно подняться только в переносном смысле.

– Ты, серьезно, предлагаешь вернуть ему жизнь?! Чтобы он имел возможность тебя же, и нас вместе с тобой, лишиться жизни? – возмутился Миша.

– Человек – если он настоящий человек! – должен оставаться человеком в любой ситуации. Иначе, какое он Чело?! да ещё вдобавок Века! И какой тогда, вообще, смысл во всей его продажной жизни?! Мы же не хотим быть бездушными, как этот, возомнивший себя Богом, сумасшедший! Наши «банальные» понятия (и первое из них – гуманизм) не должны позволять нам опускаться до уровня бесчеловечности.

– Включайте же, скорее, свой... этот... стабилизатор... Вдруг он уже задохнулся и замёрз там, в космосе! – взволновалась Елена.

Михаил послушно нажал на кнопку пульта.

Медленно и плавно, как при помощи парашюта, притягивался обратно к земле, по воле постепенно ослабевающего сопротивления земному магнетизму, до полусмерти напуганный Сидор Сергеевич.

Очувшись на том же месте, откуда пару минут назад совершил непредвиденный полёт, он сидел на полу, скорченный и раздавленный, и лицо его больше не выражало, ни презрения, ни победной ухмылки, ничего, кроме самой серьёзной печали. На ушибленной голове «астронавта» лежали останки его испорченной от удара шляпы, очень напоминающие гнездо. Поля этого головного убора мирно покоились на плечах потерпевшего.

Поднявшись при помощи Елены на ноги, Сидор Сергеевич, осторожно чередуя шаги, молча, вышел из «летучего дома». Расстояние от порога до моря несколько его не смутило. И, пролетев несколько метров, он с облегчением почувствовал, как входит в холодную, освежающую волну, ощущая всю прелесть плотности воды, созданную Земным притяжением.

– Они уплыли, – произнёсла Елена.

Клюев одобрительно кивнул.

– Выходит, Сухарев сделал для себя правильные выводы. Выше планеты прыгать опасно!

– А кто слышал, чтоб медведь летал?! – засмеялся Ромашкин. – Против физики не попрёшь!

– Что-то мне расхотелось обедать, – призналась Лена.

– А мне расхотелось здесь задерживаться, – сообщил изобретатель. – Пресной воды можно набрать и на следующем острове. Летим отсюда?

– Летим! – поддержал Миша.

И «летучий дом», набрав высоту, полетел дальше.

Бим, всё ещё недовольно пофыркивающий, был выпущен на свободу. Не в пример его двуногим друзьям, его собачий, и без того всегда здоровый, аппетит зверски разыгрался. И он, на пару с радостью, опустошил полную (а затем ещё одну) кастрюльку супа.

Во избежание дальнейших всевозможных неприятных неожиданностей, изобретатель смастерил и развесил по периметру, по диагонали, вдоль и поперёк всего фасада здания сигнализацию.

Не забыл он также про крышу и про половые балки, закреплённые за основные венцы. Сигнализация, понятное дело, была тоже невидимой. Работая беспроводным способом, она посылала сигнал прямо на антенну старенького Мишиного телевизора, который, после несложной операции, произведённой «хирургом» техники Клюевым, стал питаться без встроеного блока питания, напрямую от солнечной батареи.

Задействована в этом процессе была и Лена. Своим мягким женским голосом она помогла изобретателю записать несколько фраз через микрофон. И теперь, в случае приближения любой опасности, какая бы передача не шла в это время по экрану, даже если он выключен, из телевизионного динамика раздавалось громко, но женственно: «Ой, справа по борту что-то есть!» – «Ай-я-яй! Слева может произойти столкновение!» – «Снизу приближается земля!» или «Господа, не пугайтесь, кажется на крышу села птица!»

Полёт продолжался.

Будь Лена или Михаил немного осведомлённее в вопросах географии, они бы без сомнений заподозрили полное незнание данного предмета Клюевым. Ему были прекрасно известны все тонкости природных явлений на планете. Химический состав любой породы он мог назвать закрытыми глазами, на ощупь. Мог сконструировать, из подручного материала, целую сложнейшую машину, будь то стиральная или какая иная. Но, вот, куда лететь – он не знал. Вернее, в его голове, разумеется, отчётливо прорисовывалась каждая деталь глобуса – да что там говорить! Сама его голова была – один большой мощный глобус! – но солнце было высоко, берегов не видно, а вокруг только вода, вода, вода и небо.

«Первоначально курс был взят правильно, на юго-запад, – размышлял Клюев. – А от чего здесь плясать? И куда нас несёт сейчас?»

Клюев сидел в кресле на веранде. Взгляд его был задумчив и устремлён за горизонт.

– О чём думу думаешь? – спросил Ромашкин.

– О Боге. Вон, сколько воды вокруг, сколько воздуха, а люди Бога не видят...

– Как так не видят? Кто верит, тот видит.

– Вот именно. На самом деле и верить-то не обязательно, главное – видеть. Видеть, что и люди не разные, и мир, и Творец на всех один. У нас ведь как? Сколько вер, столько и Богов. Имена различные дают. Будто сам Бог дал право своим детям (якобы законным и незаконным) давать себе имена. Незаконных детей у Создателя быть не может! Это единственная правда,

разумеется, противоречащая всем неверным верам! Вон воды сколько... Что ж, над одной водой, как и внутри неё, каждому по своему Богу? А может быть, он вообще, живёт в каждой капле этого моря, этого воздуха, вселенной?

– А как же Его тогда называть?

– Можно просто – Бог. Но лучше не вслух, а мысленно: любое слово со временем стирается на слуху. Главное, видеть. Видеть, значит, – знать. Человек, рождаясь, видит всё поверхностно, не заглядывая вглубь, не понимая, как всё устроено. Жизнь человеку и даётся на то, чтобы учиться проникать в суть скрытую под поверхностью. Будь то под землёй, над небом, внутри себя или внутри любой из молекул.

– Но зачем это нужно знать? – Ромашкин улыбнулся. – Чтобы любой, вникнувший в тайну колхозник, забросив своё хозяйство, подался в профессора или в проповедники?

– Нет, чтобы любой человек научился понимать истинные ценности, выращивая и сад земной, и собственных детей, в мудрости и ответственности за всякую песчинку.

– Ну, это сейчас неактуально.

– А по-моему, именно сейчас, в век качественной пустоты качественной упаковки, сверхкреативного мышления доходящего до абсурда, это уже очень актуально!

– Остаётся вечный вопрос: что же делать?

Клюев не задумался ни на секунду.

– Полагаю, мы с тобой, Миша, все мировые проблемы хорошо обсудили. Теперь можно со спокойной душой пойти и перекусить!

– Точно. Лена, наверное, уже приготовила вкуснейшую уху из пойманной мной рыбы!

Всегда готовый присоединиться к трапезе, Бим вскочил со своей лежанки, и... Началось непонятное.

«Опасность! Опасность!» – кричал голос Лены из динамика телевизора. Все, в том числе и Лена, принялись, выглядывая в окна, пытаться разглядеть, что же может угрожать «летучему дому». Словом «опасность» было задумано выражать неизвестную неприятность, не подходящую под другие выражения. Но, сколько не всматривались друзья в гладь неба и моря, сколько не напрягали зрение и слух, никакой неприятности видно не было.

– Возможно, мы находимся в зоне действия одной из радиоволн, на которую неправильно (а может и правильно) реагирует наша антенна, – догадался изобретатель.

Звук телевизора убавили. Бим скулил и бегал по всему дому, будто пытался объяснить нечто, известное ему одному.

– Ну-ка, пойдёшь сюда! – подозвал его изобретатель. – Опять что-то проглотил?

Достав из своего портфеля какие-то микросхемы, транзисторы, резисторы и ещё кучу всяких штучек и тут же что-то смастерив, Клюев радостно воскликнул:

– Ну вот, мой детектор указывает на присутствие в атмосфере нашего дома постороннего излучателя радиосигнала! И этим посторонним излучателем является Бим.

– Бим?! – спросили в один голос Миша и Лена.

– Да. Если бы не наша задумка с сигнализацией, мы бы так и не узнали о том, что внутри нашего Бима находится некое радиоустройство. Вот, видите, когда я подношу прибор к боку собаки индикатор зашкаливает?

Ощупав несопротивляющегося четвероногого друга, Клюев, наконец-то, обнаружил «жучок» чуть больше спичечной головки. В два счёта достав его и обезвредив, изобретатель убедился крики Лены из динамика прекратились.

В благодарность Бим облизал лица всех присутствующих.

Попадая в иное измерение, человек, которого принято называть здравомыслящим, практически всегда сходит с ума. Другое дело, когда человек этот никогда и не считался здравомыслящим. Вспомнить хотя бы одного из честнейших рыцарей (к сожалению, не нашего столетия) – Дона Кихота Ламанчского. Угрожала ли ему сумасшествием встреча со всем реально сумасшедшим миром, очень далёким от его измерений? Правильно, нет! Будь тот же самый доблестный герой нормальным человеком, он бы, конечно, свихнулся, как свихнулись многие, до и после него, и не оставили на Земле следов своего присутствия.

Трое суток, несмотря на приличную скорость «летучего дома», кроме неба и моря не было видно ровным счётом ничего. Запас пресной воды практически иссяк. Клюев сконструировал аппарат, преобразующий облачный пар в воду, но, как нарочно, на небе не было ни облачка. Пробовал он и морскую воду переделывать в питьевую. И извлекал из воздуха. Но капель, добытых за сутки, не хватило и на кофеварку.

Мысль об ином измерении – сферу влияния которого, естественно, невозможно было измерить – поселилась в мозгу изобретателя ещё в тот день, когда в Биме был обнаружен «жучок». Вечером, когда Клюев решил повторно испытать свой новый детектор радиоволн, он был поражён полным отсутствием, вообще, каких бы то ни было сигналов. Клюев прекрасно знал – такого быть не может! Волны должны иметься всегда. Их отсутствие говорит либо об испорченном измерителе, либо об ином измерении. О неисправности прибора Клюев даже не думал. Наипростейшая схема, как дважды два, не могла иметь иного значения, чем исправно.

– Где же остров, Прохор? – в сотый раз спрашивал Ромашкин. – Пусть даже не «бананового магната». Хоть какой-нибудь островок!

– Не знаю, – признавался Клюев. – Ни по солнцу, ни по звёздам разобраться не могу. Созвездия здесь какие-то неизвестные. В это время года обычно созвездие Льва и Девы должно указывать направление... А тут их, вообще, нет, а, созвездие Рыб, почему-то, – пожалуйста!

– Что ты этим хочешь сказать? – встревожился ещё больше Миша.

– Не знаю, не знаю что случилось...

Продолжая смотреть в окна, путешественники видели, как всё вокруг постепенно приобретает более отчётливые очертания. Будто кто-то повысил резкость всего видимого. Появилось такое ощущение, что пейзаж распадается на миллиарды микрочастиц, на молекулы, атомы, протоны, нейтроны... Казалось, в этом немыслимом «пространстве» можно запросто разглядеть, услышать, прочувствовать, как световые кванты, гуляя по раздробленной на микрочастицы материи и вне её, встречаясь, приветствуют друг друга добрыми улыбками. Краски мешались. Послышались отчётливые шаги резонанса. Потом всё слилось воедино. Время застыло. Как будто сам «летучий дом», сделавшись меньше любого атома, проник в одну из выросших перед домом, открывшихся молекул и поплыл внутри неё, невидимым кварком, по неизвестному маршруту.

Молчание длилось долго. Даже Бим, проникнувшись всем своим чутким собачьим уважением к «нереальному таинству», молчал тише самой немой рыбы.

– Где мы? – первой разорвала тишину Елена.

– Хороший вопрос, – пробормотал изобретатель. – Но, боюсь, я пока не готов найти на него нормального ответа. В моём портфеле, к сожалению, нет таких приборов, которые умели бы объяснять эти неизвестные явления. Судя по моим внутренним ощущениям, ничего страшного не происходит. И собака неплохо реагирует на обстановку. Остаётся только ждать. Мы бессильны...

– Смотрите! – крикнул Миша.

Лена и Прохор обернулись и посмотрели в ту сторону, в которую указывал Ромашкин. Вдалеке, между синими и розовыми разводами, всё отчётливее и отчётливее вырисовывалось жёлто-зелёное пятно. Оно росло и приближалось. Клюев пытался уравновесить свою умственную деятельность. Следует признаться, получалось у него не очень.

– Сигнализация наша не работает. Мой измеритель силы притяжения отключился. Солнечная батарея перестала давать заряд. Печка не гаснет – кислород в норме. Температура воздуха самая благотворная. Вредное напряжение в атмосфере отсутствует. Очень похоже на полный обман зрения, искажение реальности? Или, наоборот, – реальность не искажённая привычной видимостью?

– Такое ощущение, – сказал Михаил. – Что здесь видишь то, что в обычном мире можно увидеть только закрыв глаза.

– Верно подмечено! Будто какие-то лучи подсвечивают для нас энергетическое поле всей окружающей нас материи. По-моему, мы на пороге великого открытия!

Ромашкин вздохнул.

– Это хорошо. Плохо – если открывать это открытие будет не для кого...

А пятно приближалось. Размер его увеличился уже настолько, что на нём можно было различить наличие других более ярких, жёлто-зелёных, синих, красных и серых пятен. Густеющее красками пространство сгущалось всё сильнее. Темнело. Чем темнее становились размытые краски окружающего, тем ярче и отчётливее делались отдельные пятна на растущем приближающемся пятне.

– Вы уверены, что это не бермудский треугольник? пытаюсь не дрожать, спросила Лена.

– На сто процентов нельзя быть уверенным ни в чём. И всё же, думаю, Бермудскими островами тут не пахнет. По крайней мере, выбросов метана не ощущается.

Вскоре стало совсем темно. Контуры пятна приобрели конкретную форму.

– Похоже, «туман» рассеялся и, в назначенный час, наступила ночь, – предположил Клюев. – Это говорит о том, что всё не так уж и плохо! Предлагаю, всем отправляться ко сну. Кто знает, может быть, с возвращением солнца иное измерение разветвится как сон.

– Я согласен, – кивнул Михаил.

– Мне в эту ночь точно заснуть не удастся, – пожаловалась девушка.

– Спокойной ночи! – пожелал Клюев.

Предположения Елены не оправдались. К своему удивлению, она тут же уснула, как и остальные обитатели «летучего дома». Наверное, местное благотворное атмосферное влияние хорошо действовало на физическую природу и на нервную систему организма.

27

Утро оказалось солнечным и ясным. Проснувшись одновременно, путешественники, так же одновременно, удивились, с какой лёгкостью дышится. В дом откуда-то проникали душистые ароматы благовонного сада. Запахи гиацинта, цикламены, тимьяна и розмарина переливались с запахами каштана и кипариса. А самым замечательным было то, что за окнами пели, свирители, чирикали, перекликались – настоящими живыми голосами! птицы. Подойдя к окну и выглянув наружу, Михаил первым раскрыл рот от изумления. Следом за ним и остальные. За окном, внизу, метрах в пятидесяти под домом, цвёл, благоухал, и просто находился, красивейший, почти круглый остров. В диаметре он был километров пятьдесят не больше. Весь остров пестрел разнообразной растительностью. Немного восточнее центра острова возвышалась небольшая гора, которая вчера показалась путешественникам серым пятном. Под горой синело озеро. Любопытно, что на всём острове, если не считать гор, невозможно было не увидеть такого места, где бы ни приютилось банановое дерево.

Лицо Клюева расплзлось довольной улыбкой.

– Друзья мои, сдаётся мне, это и есть остров «бананового магната»!

– Почему ты так решил? – спросил Миша.

– Пятьдесят километров в длину, в центре гора, чуть западнее озеро, и повсюду бананы.

Именно так мне его и описывали.

Услышав заявление изобретателя, Елена, широко раскрытыми глазами любовавшаяся пейзажем, подпрыгнула и радостно захлопала в ладоши. Молодчина Бим, вторя её искренней радости, звонко залаял и завилял хвостом. Миша истерически расхохотался. Сквозь смех, в глазах его проступили слёзы. Изобретатель откинулся на спинку кресла и облегчённо вздохнул: настоящая наука никогда не торжествует слишком громко.

Выбрав полянку поближе к озеру, чтобы вдоволь напиться и помыться, путешественники аккуратно приземлились. Выйдя наружу в невидимом костюме, Клюев тщательно обследовал местность. Убедившись, что невидимость дома не пострадала, он привязал его к одной из пальм, снял с себя невидимый костюм и пригласил на «экскурсию» Мишу, Лену и Бима.

Вода в озере была тёплой, прозрачной и вкусной. Плескаясь и утоляя жажду, друзья не могли нарадоваться. Нельзя не отметить, что особенно радовало то, что в озере совсем не водились крокодилы. Поначалу, на незваных туристов с берега, любопытствующим взглядом, взирала только непуганая дичь. Но, когда «туристы» в очередной раз посмотрели в сторону зарослей банановых деревьев, они увидели ещё и туземцев. Бим попытался залаять. Миша прижал морду собаки к своей и строго-настрого запретил издавать громкие звуки. Лену прижать никто не успел, и она завизжала противопожарной сиреной.

Туземцы подошли к самому берегу и стали, молча, ждать, когда девушка, наконец, вдоволь, накричится. Лена взвизгнула ещё разочек (для успокоения) и замолчала.

– Бонжур сильвупле! – поприветствовал на непонятном наречии смуглокожий маленький человек со связкой бананов в одной руке и короткой бамбуковой дубинкой в другой. Его редкозубая улыбка выражала полное добродушие. – Сильвупле! – повторил он ещё раз и протянул путешественникам связку зелёных бананов.

– Выходим из воды. Потихонечку, – предупредил изобретатель. – Как видите, они настроены гостеприимно.

– Они нас сожрут, – всхлипнула Лена.

– Не думаю. У них вполне сытый, довольный вид.

– А когда сожрут, будет ещё сытней и довольней, – предположил Миша.

Приняв связку бананов из рук туземца, улыбаясь во всю ширину своего рта, Клюев крепко пожал руку смуглокожего человека.

– Спасибо! Спасибо! – благодарил он от всей души. – Как нельзя кстати. Мы очень хотим есть. Спасибо!

Туземец, конечно, ничего не понимал, но продолжал трясти и крепко сжимать руку изобретателя.

Миша, Лена и Бим держались на шаг сзади и старались улыбаться не менее приветливо, чем Клюев и сами туземцы.

– Променад а лотель! – воскликнул тот, чей вид был начальствующим, предлагая проследовать в сторону горы. Приподняв к своим чёрным губам бамбуковую дубинку, он что-то ей сообщил. Только тут Клюев заметил, что в дубинки диких людей вделаны очень современные рации. Чуть позже обратили на себя внимание и ноги дикарей: на них были надеты литые каучуковые сланцы, какие штампуются на дешёвых обувных фабриках.

«Процессия» следовала к подножью горы. «Экскурсоводы» всю дорогу молчали, оттого «туристы» чувствовали себя, пусть и не связанными, а всё-таки пленниками.

– Я думал остров «бананового магната» цивилизованный, – посетовал Ромашкин.

– Вполне возможно, что дворец хозяина острова прячется глубоко в зарослях банановых деревьев, – оптимистично заметил Клюев.

Лена продолжала всхлипывать. Её размокшая от купания одежда вытянулась, и вид её вызывал искреннюю жалость.

– Они нас сожрут, – пробормотала она в сотый раз и бедный Бим завыл с нечеловеческим страданием.

Гора имела полусферическое – точнее, конусообразное – почти правильное очертание. Высота её была не больше тридцати метров. На самом верху, что-то, похожее на горный хрусталь, ярко сверкало. Склоны были покаты настолько, что взобраться на такую гору представлялось мало возможным. К подножью, как ни странно, вела ухоженная аллея с подстриженными кустами и цветочными клумбами по обе стороны. Временами взгляд наткнулся на одиноко стоящую в пальмовой тени лавочку. На одной из таких лавочек мило беседовала парочка немолодых уже людей европейского вида. По-английски они говорили, или по-итальянски, Ромашкин, честно сказать, не разобрал. Увлечённо глядя по сторонам, Елена, наконец, перестала всхлипывать и, по инерции, произнося «нас съедят», уже не заикалась. Бим, заметив, что его никто в принципе не подгоняет, присел, почесал задней лапой за ухом, напомним назойливой блохе, кто хозяин шерсти, и, заодно, пометив территорию, самодовольно продолжил шествие.

Подойдя вплотную к практически плоской стене горы, изобретатель, как и его спутники, с удивлением, увидел тонированную в тон камня стеклянную дверь. Сама собой дверь отворилась. Процессия проследовала внутрь просторного прохладного помещения.

28

На белокаменных, гладких стенах висели картины неизвестных художников. Повсюду стояли высокие аквариумы с яркими пучеглазыми представителями аквариумной фауны. Свет в помещение вливался откуда-то из-за потолка. Пройдя в самый конец этого загадочного холла, начальствующий островитянин, улыбаясь недоумению «туристов», нажал на незаметную кнопку в стене. Открылась дверь. За дверью оказалась комнатка метров девяти.

– Энтер! – пригласил смуглокожий «гид», войдя в комнату.

«Здесь у них, наверное, бойня» – с ужасом подумала Лена. Ключев и Ромашкин переглянулись и вошли в комнату. Бим с Леной последовали за ними. Дикари остались в «холле». Сопровождающий абориген опять ткнул в какую-то кнопку и комната, с глухим шуршанием поехала вверх.

– Это лифт! – воскликнул изумлённый изобретатель.

– Лифт! – подтвердил довольный абориген.

После остановки, дверь снова открылась, и путешественники оказались в огромном светлом зале. Всё, что имелось в этом зале, было изготовлено явно не туземцами. Высокие колонны, поддерживающие свод зеркального потолка, мебель в турецком стиле, высокие окна по всему периметру зала, всё говорило о трудоёмкой работе над этим красивейшим помещением целой артели профессиональных мастеров-строителей, оснащённых самыми современными инструментами. Разглядывая великолепие архитектуры и обстановки путешествующие не сразу заметили пожилого человека, стоящего в конце зала. Человек смотрел вдаль – за окно.

– К вам посетители! – сообщил туземец на чистом русском языке. Усмехнувшись удивлению сопровождаемой им процессии, шутник удалился.

Пожилой человек резко обернулся. Лицо его одновременно имело сходство с лицами Артура Конан Дойла, Сальвадора Дали и Мигеля Де Сервантеса Сааведра. Острый нос, тонкие губы, пронизывающий взгляд, закрученные вверх усы. Его высокую, всё ещё статную фигуру облачал лёгкий, тёмно синий, расшитый золотом японский халат. На ногах не было ничего.

– Папа! – вдруг закричал изобретатель.

Человек в японском халате вздрогнул. Приглядевшись к изобретателю, он поднял брови и печально улыбнулся.

– Я думал ты погиб, – произнёс взволнованным голосом Клюев. – А ты, оказывается, жив, здоров и к тому же сказочно богат?!

«Банановый магнат» подошёл к своему сыну.

– Это было необходимо, – сказал он. – Ты не знаешь, я скрывал от тебя... Меня преследовали страшные люди. Они требовали, чтобы я работал на них. Единственным выходом, чтобы обезопасить и себя и тебя, было – исчезнуть. Но если бы я, или мы вместе с тобой, просто исчезли, травля бы не прекратилась. Нас продолжали бы искать. Ты сам прекрасно понимаешь, работать в условиях загнанной в угол крысы невозможно. Создать за пару недель собственного клона, отличающегося от меня только полным отсутствием мозга, для меня не составляло большого труда.

– Тебе пришлось стать убийцей собственного создания?

– Человеческой жизни в этом клоне на самом деле не было. Выращен как растение, в специально подготовленной среде, он был не более чем любой механизм. Признаться, мне было жалко уничтожать столько прекрасного материала. Но, что делать...

– По телевидению показали процедуру твоих похорон в Африке.

– Да, так и было задумано, – печально улыбнувшись, откровенно признался Клюев-старший. – Вскрытия следовало избежать. Поэтому, «моё тело» очень быстро разложилось на жаре. Бедные пигмеи не на шутку расстроились. Переправлять в Россию было практически нечего. Мой ассистент, он же корреспондент (а на самом деле шпион), приставленный ко мне в качестве наблюдателя за моими опытами, сам объявил в прямом эфире: «Профессор, погибший в результате биологических исследований, развалился буквально на глазах. Было решено захоронить его останки тут же – в Африке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.